

ВАЛЕРИЙ КИСЕЛЁВ

137-я стрелковая против танков Гудериана

Валерий Киселёв

**137-я стрелковая против
танков Гудериана**

«Издательские решения»

Киселёв В. П.

137-я стрелковая против танков Гудериана / В. П. Киселёв —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-508905-2

137-й стрелковая дивизия, сформированная в Горьковской (ныне Нижегородской) области, с первых дней Великой Отечественной воевала против 2-й танковой группы генерала Гудериана. Тяжелейшие, полные драматизма бои лета-осени 41-го, на Западном направлении. Трижды дивизия попадала в окружение и с боями прорывалась к своим. Книга — итог многолетней поисковой работы. Автор изучил тысячи страниц архивных документов, разыскал и опросил 380 ветеранов дивизии, прошёл пешком сотни километров по местам боев.

ISBN 978-5-00-508905-2

© Киселёв В. П.
© Издательские решения

Содержание

Валерий Киселёв	6
1. Знамя наркома	7
«Мы прибыли первыми...»	7
«На лыжах в лютую стужу...»	9
«Парни были, как на подбор...»	12
«Никакой передышки...»	13
"Война может вспыхнуть неожиданно...»	16
2. На фронт	20
«Подняты по тревоге...»	20
«Быстро и без суеты...»	23
«Многие плачут навзрыд...»	24
«Так и не доехал до фронта...»	26
«Нервотрёпка и напряжение были страшными...»	27
«Обстановка была совершенно неизвестна...»	29
3. «Сбросить противника в Днепр!»	33
«Моральный дух в дивизии был здоровый...»	50
«Какой он, немец, наш враг?»	52
«Азарт у всех был просто неопиcуемый...»	53
«Как в „Чапаеве“ психическая атака...»	55
«Самое страшное было, когда появились танки...»	56
«С таким народом воевать можно...»	59
4. Варшавское шоссе	65
Конец ознакомительного фрагмента.	68

137-я стрелковая против танков Гудериана

Валерий Павлович Киселёв

© Валерий Павлович Киселёв, 2019

ISBN 978-5-0050-8905-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Валерий Киселёв

137-я стрелковая против танков Гудериана (книга 1-я)

137-й стрелковая дивизия, сформированная в Горьковской (ныне Нижегородской) области, с первых дней Великой Отечественной воевала против 2-й танковой группы генерала Гудериана. Тяжелейшие, полные драматизма бои лета-осени 41-го, на важнейшем, Западном направлении. Трижды дивизия попадала в окружение и с боями прорывалась к своим. Книга – итог многолетней поисковой работы. Автор изучил тысячи страниц архивных документов, разыскал и опросил 380 ветеранов дивизии, прошёл пешком сотни километров по местам боев.

1. Знамя наркома

*«Если завтра война,
Если завтра в поход...»*

Август 1939 года... Еще свежи в памяти людей события в Испании, захват Гитлером Чехословакии, а в мире снова пахнет порохом. На Халхин-Голе идут бои с японцами, армии вермахта стягиваются к границам Польши. Пакт о ненападении, заключенный СССР с Германией, не снял угрозы войны. Советское правительство прилагает огромные усилия для укрепления обороны страны. Строятся военные заводы, конструкторы разрабатывают новые образцы вооружений. В связи с ростом военной опасности принят Закон о всеобщей военной обязанности. Началось формирование десятков новых дивизий. Так по Указу Президиума Верховного Совета СССР от 9 августа 1939 года было начато формирование и 137-й стрелковой дивизии.

Родилась дивизия на нижегородской земле. «Матерью» её была 17-я Нижегородская имени ЦИК БССР стрелковая дивизия. Полки 17-й имели боевые традиции ещё со времён гражданской войны. Формирование новой дивизии началось на базе 51-го Иваново-Вознесенского полка 17-й стрелковой, который стоял в Арзамасе.

В начале сентября 1939 года в Арзамас стали прибывать первые командиры и политработники нового соединения. Командиром дивизии был назначен комдив Данилов, комиссаром – полковой комиссар Сорокин, затем, до мая 1941-го, полковой комиссар Лукашук, с мая 41-го – полковой комиссар Канцедаль. Начальником штаба соединения стал майор Субботин, но вскоре его заменил полковник Яманов. Вместе с ними в Арзамас прибыли работники штаба новой дивизии и командиры полков.

Предстояло сформировать три стрелковых полка, которые получили номера: 771-й, 624-й, 409-й, и два артиллерийских – 497-й гаубичный и 278-легкий. Кроме этого надо было создать несколько специальных частей и подразделений: истребительно-противотанковый и зенитно-артиллерийский дивизионы, батальоны связи, сапёрный, разведывательный, автомобильный, медико-санитарный, тыловые подразделения.

По штату от 14.08.39 года кадровая «ординарная» стрелковая дивизия должна была быть численностью 8937 человек. Вскоре, 13.09.39 г., наркоматом обороны был введен новый штат, по которому личный состав дивизии должен состоять из 18906 человек. Однако перед командованием дивизии не стояло задачи сразу формировать соединение штатной численности. Первая задача была – создать своего рода костяк, который постепенно должен был обрастать «мясом», личным составом. И, конечно, всем необходимым для службы – вооружением, снаряжением, техникой.

«Мы прибыли первыми...»

497-й гаубичный артиллерийский полк формировался в старинном селе Карачарово близ Муром. Первыми в помещение Карачаровского дома отдыха, где должен был разместиться штаб полка, прибыли майор Илья Малых, назначенный командиром части, батальонный комиссар Андреев, комиссар полка, и несколько человек средних командиров...

Наверное, командиры в полку шутили, как совпало: командир полка – Илья, и самый известный уроженец села Карачарово – его тёзка, легендарный богатырь Илья Муромец.

Свиридов В. В., командир штабной батареи 497-го ГАП, комсорг полка, подполковник в отставке:

– В Муром, в 497-й гаубичный артполк, я был направлен после окончания Киевского военного училища. Приехали мы с лейтенантом Силкиным в город ночью. Где располагался полк, конечно, не знали. На вокзале спросили у первого попавшегося военного, им оказался сам командир полка майор Малых. Выяснилось, что полка ещё не существует, мы прибыли первыми. Так и началась наша служба. Но прежде чем начать боевую учебу, пришлось проделывать громадную работу: капитально отремонтировать помещения, построить мастерские, оборудовать столовую и клуб, конюшню, заготовить на зиму дрова. Вскоре прибыли первые четыре гаубицы, сорок лошадей, потом привезли трактора, аммуницию. Сначала в полку нас было всего 25 человек, потом прибыли еще 60, затем пришёл целый эшелон – с рязанцами, одесситами, сибиряками, винничанами, грузинами. Одновременно обжигались и изучали материальную часть. Многие из бойцов до этого никогда не видели артиллерийских орудий...

Брыкин В. А., кандидат исторических наук, создатель поисково-краеведческой группы «Память» г. Мурома:

– Большую помощь в формировании полка кроме военкомата оказывали Муромский горсовет и горком партии. Первым призывником был шофёр, а первой машиной стала легковушка, требующая капитальной ремонта. Однако уже через день в полк прибыли два молодых бойца, окончившие фельдшерское училище. Один из них – Серафим Георгиевич Мелёшин, в конце войны – майор медицинской службы.

Из Мурома и Муромского района в 137-ю стрелковую дивизию было призвано 1026 солдат, в том числе в 624-й стрелковый полк – 284 человека; в 771 -й стрелковый – 51, в 246-й отдельный батальон связи – 276 человек, в отдельный сапёрный батальон – 32, в 179-й медсанбат – 43 человека; в Муромский 497-й гаубичный артиллерийский полк – 319 бойцов. Если к этому числу прибавить 80 командиров-муромцев 497-го гаубичного артиллерийского полка, то получается, что из Муромского района было призвано 1106 солдат и офицеров.

Уже к началу ноября 1939 г. полк был полностью сформирован и приступил к боевой подготовке. Всё чаще стали видеть в Муроме бойцов и командиров с артиллерийскими эмблемами на петлицах.

7 сентября 1939-го года эшелоном из Горького в Арзамас прибыл первый артиллерийский дивизион артполка 17-й стрелковой дивизии. Первым из вагона вышел батальонный комиссар Макаревич, назначенный комиссаром полка. Старший лейтенант Елесин построил на платформе дивизион и зачитал приказ о формировании 278-го легко-артиллерийского полка, который должен войти в состав 137-й стрелковой дивизии. Вскоре село Выездное близ Арзамаса стало превращаться в военный лагерь, шумный от ржания коней, команд и солдатских песен. 15 сентября в расположение полка прибыли его командир майор Рябков, начальник штаба капитан Полянцев, командиры дивизионов лейтенант Лагойский, старший лейтенант Хрущев и капитан Якушев. Вскоре полк начал жить обычной армейской жизнью.

Александров А. А., политрук роты 624-го стрелкового полка, впоследствии парторг полка, подполковник в отставке:

– Когда началось формирование 624-го полка, я работал заведующим организационного отдела и членом бюро Арзамасского райкома комсомола. О том, что в Арзамасе будет формироваться дивизия, в райкоме партии стало известно в конце августа 1939 года. Вскоре райисполком и горвоенкомат вместе с прибывшими представителями из Московского военного округа начали осуществлять разработанный план мероприятий. На первый план встали задачи: обеспечить размещение частей и их штабов, подобрать кадры командного состава из запаса. Предстояло обеспечить определенную партийно-комсомольскую прослойку в формируемых частях, и, наконец, выделить жильё для семей командного состава. Ко всей этой работе был привлечён и райком ВЛКСМ. В конце августа были освобождены помещение железнодорожного техникума, в котором потом разместился 278-й легко-артиллерийский полк,

и Красные казармы, где расквартировали первый батальон 624-го стрелкового полка. Гости-ница на улице Ленинской освобождалась под квартиры семей комсостава.

В ту пору райкому комсомола пришлось поработать особенно много. По указанию райкома партии мы обязаны были подобрать триста комсомольцев из приписного состава для двух формируемых полков. Эту задачу райком комсомола успешно выполнил. Только в 624-й полк было призвано более трехсот арзамасских комсомольцев, еще около ста – в 278-й артполк. Медсанбат дивизии был укомплектован санитарями и медсестрами исключительно из арзамасской комсомолки. В марте 1940 года я уже служил в 624-м полку в качестве политрука роты. Командир полка майор Фроленков и комиссар Михеев встретили меня очень тепло, как старого знакомого по работе в райкоме. Мог ли я тогда предполагать, что мне придётся пройти с полком весь его боевой путь вплоть до конца войны...

771-й стрелковый полк начал формироваться в школе на улице Баррикад в Сормове, затем его перевели в Арзамас. Командиром полка был назначен полковник Малинов. В полк Малинова перевели с должности начальника полковой школы 17-й стрелковой дивизии, а до этого он командовал батальоном. Начальником штаба 771-го полка стал капитан Шапошников. Батальонный комиссар Васильчиков был назначен комиссаром полка. Парторгом полка стал политрук Наумов.

Из прибывавшего личного состава сразу же формировали роты и батальоны. В 771-й стрелковый полк пришли служить много молодых рабочих из Сормова, Горьковского автозавода, с муромских предприятий.

К 1 октября было закончено формирование и 409-го стрелкового полка, командиром которого назначили майора Корниенко. Ранее он преподавал тактику в военном училище имени Верховного Совета СССР, воспитал сотни командиров Красной Армии. С большим опытом службы был комиссар полка Артюгин. В полк он прибыл с должности заместителя начальника политотдела 17-й стрелковой дивизии. Одновременно Артюгин был членом Мордовского обкома и Саранского горкома партии. Формировался 409-й полк в основном из чебоксарских комсомольцев. Полку после сформирования предстояло передислоцироваться из Чебоксар в Саранск, и первым испытанием для него стал форсированный пеший переход в этот город.

Огромную помощь в формировании и оснащении дивизии оказали партийные и хозяйственные органы Горького, Арзамаса, Муром, Чебоксар. Формирование 137-й стрелковой дивизии проходило под личным контролем первого секретаря Горьковского обкома партии Родионова и председателя облисполкома Третьякова. Они хорошо знали нужды соединения, с первых же дней познакомились с командованием, с которым впоследствии их связывала крепкая мужская дружба.

В декабре 1939 года штаб дивизии из Арзамаса переехал в Горький, туда же передислоцировался и 278-й легко-артиллерийский полк. 771-й стрелковый полк после учебных сборов с приписным составом перешел в Чебоксары, но вскоре вернулся в Горький и разместился в Красных казармах под кремлём.

23 февраля 1940 года личный состав всех полков дивизии принял Присягу на верность Родине.

А боевая учеба шла своим ходом...

«На лыжах в лютую стужу...»

Свиридов В. В.:

– Наконец, начались и боевые стрельбы с выходом в поле. Первые же результаты порадовали. Вспоминаю, как после стрельб строили шалаши, уставшие, но довольные пели: «Мой костёр в тумане светит...». Майор Малых угощал командиров хорошими папиросами. Он

и комиссар полка Андреев умели поднять настроение и относились к нам, молодым командирам, по-отечески...

Жуков С. Н., командир роты 3-го батальона 624-го стрелкового полка, капитан в отставке:

– Шестого февраля 1940 года мы, выпускники Рязанского пехотного училища приехали в Арзамас на пополнение полка. Сразу же включились в жизнь части, а была она интересной, захватывающей, как, впрочем, и всё то время. Кроме боевой подготовки в полку много занимались спортом. Например, в честь годовщины Красной Армии был организован лыжный пробег по маршруту Арзамас – Горький и обратно. Прошли на лыжах около 250 километров, в лютую стужу. Победили тогда курсанты полковой школы 624-го полка...

Макаревич Станислав Матвеевич, сын комиссара 278-го ЛАП:

– Я тогда был мальчишкой и, конечно, любил всё, что имеет отношение к армии. Ходили за строем красноармейцев, пролезали в столовую отведать армейской пищи. Мы были помощниками на конюшне, старались попасть на стрельбище, любили поддержать в руках саблю, карабин и за высшее счастье считали стрелкнуть в тире. Я дневал и ночевал в полку. Красноармейцы даже скрывали меня от отца, он ругался, что я все время пропадаю в казарме. Часто слышал, как бойцы с уважением говорили об отце. Он любил людей, и красноармейцы отвечали ему взаимностью. А какая художественная самодеятельность была в полку! Свой театр был, ставили пьесы Островского...

Не забывали в дивизии и общественную работу, умели культурно отдохнуть. Полковые оркестры и художественная самодеятельность были хорошо известны не только бойцам, но и местным жителям. Характерно, что почти весь командный состав был избран депутатами городских и районных советов. Трудящиеся городов Горького, Арзамаса, Муром, Саранска хорошо знали своих депутатов, а они, в свою очередь, находили время оказать посильную помощь своим избирателям. Ещё в сентябре 1939 года делегация рабочих города Горького вручила личному составу 771-го полка шефское Красное знамя, свидетельство единства армии и народа. Так начиналась прочная дружба между трудящимися Горьковской области и воинами дивизии.

А на Карельском перешейке шли бои с финнами. Туда из дивизии на пополнение воюющих частей несколько раз перебрасывали группы наиболее подготовленных красноармейцев и командиров. В этот период людей в дивизии, особенно командиров, не хватало, оставшимся приходилось работать с максимальным напряжением.

В начале лета 1940 года части дивизии выехали в Гороховецкие лагеря, где на полигонах и стрельбищах продолжали заниматься боевой учебой.

Настоящим экзаменом для дивизии стали летние учения 1940 года. Это были манёвры, показательные для всего высшего командования Красной Армии. Проводил учения лично нарком обороны Маршал Советского Союза Тимошенко. На учениях присутствовали также маршалы Буденный и Шапошников, начальник Генерального штаба генерал армии Мерецков, начальник Главного политуправления Красной Армии Мехлис и ряд других высших командиров.

Готовил манёвры начальник отдела боевой подготовки Московского военного округа полковник Гришин. Учения были максимально приближены к условиям боевых действий.

После доклада о готовности маршалу Тимошенко в наступление перешел 771-й стрелковый полк. 409-й и 624-й полки были обороняющейся стороной. На всех этапах учений моральный дух личного состава был исключительно высоким. Стремлением делать всё, как на войне, были пронизаны все – от рядового бойца до командира дивизии. Все части показали на учениях отличную боевую выучку. Особенно отличился батальон капитана Гусева из 771-го полка. На разборе учений маршалом Тимошенко 1-я и 3-я роты старших лейтенантов Пономарева и Цабута этого батальона были отмечены особо, как умело проводившие маневр. Отлично

показали себя и пулемётчики, поразившие командование меткой стрельбой. Маршал Тимошенко остался доволен и точной стрельбой артиллеристов. Надолго запомнили войны дивизии встречи с маршалами Тимошенко, Буденным, Шапошниковым.

После учений прошел их детальный разбор. Всему личному составу соединения была объявлена благодарность наркома обороны, а командиру 624-го стрелкового полка майору Фроленкову маршал Тимошенко вручил почетный подарок – часы с дарственной надписью. Были поощрены наркомом также многие другие командиры и красноармейцы дивизии.

Брыкин В. А., кандидат исторических наук:

– На всеармейских учениях летом 1940 года части 137-й стрелковой дивизии показали отличные результаты. Особенно отличился Муромский 497-й гаубичный артиллерийский полк, который по своим калибрам – 122 мм и 152 мм – занял первое место среди 15 гаубичных артиллерийских полков 15 стрелковых дивизий МВО.

Батарея старшего лейтенанта Бережных на этих учениях заняла первое место, сам командир батареи награжден именными золотыми часами от наркома обороны. Именными часами также награждены за отличную стрельбу лейтенанты В. М. Сахаров, М. Г. Житковский, В. В. Фролов, а весь полк удостоен чести стать учебной базой Артиллерийской Академии РККА. По итогам учений многие бойцы и командиры были поощрены командованием военного округа.

497-й гаубичный артиллерийский полк продолжал совершенствовать свою боевую подготовку. Полк представлял внушительную силу и состоял из двух дивизионов трёхбатарейного состава и одного двухбатарейного. Первая и четвертая батареи состояли из 152 мм гаубиц; вторая, третья, пятая и шестая батареи – 122 мм гаубиц. Тягловой силой их были тягачи СТЗ-НАТИ-65 на гусеничном ходу, бравшие до двух комплектов снарядов, расчёт орудия, да ещё и часть состава взвода управления.

497-й гаубичный артиллерийский полк создавался из следующих командных кадров: 44 человека (53%) прибыли из войск, 24 (34%) – из учебных заведений, 10 (8%) – из запаса, а 2 (2%) офицера – из Академии им. М. В. Фрунзе. По социальному составу из 83-х командиров 41 (50%) вышел из служащих, 24 (28%) – из рабочих, и только 18 (21%) – из крестьян. Среднее образование имели два выходца из крестьян (2%), рабочих – 9 (11%), служащих – 30 (36%).

В полку весьма ровно были представлены разные возрасты, с 1898-го по 1921-й год рождения: до 1906 года – по два командира; с 1907-го – по четыре – пять. 12 командиров были 1918 года рождения. По годам призыва распределение было таким: с 1901-го по 1929-й год призваны 13 командиров; с 1930-го по 1936-й год – 23, в 1937 – 1940 гг. – 58 (70%) офицеров.

По национальностям командный состав полка был таким: русские – 60 человек (72%), украинцы – 15 (18%), евреи – 3 (4%), по два офицера из чувашей и тюрков, по одному латышу и грузину.

Военное и общее образование: 41 командир окончил двухгодичные артиллерийские (50%); 25 – артиллерийские младших лейтенантов (30%); артиллерийские командирские курсы усовершенствования командного состава (АКУКС) – 4; у девяти не было военного образования – в основном это снабженцы, медики и некоторые (3 человека) военные техники.

По общему образованию командного состава: окончили институты – 2 (врачи), среднее образование – 43 (52%), 9 классов – 9; 8 классов – 1; 7 классов – 14; 5-й и 6-й классы – по три человека; начальное – 11 (13%). В полку были четыре майора – все с четырёхклассным общим образованием. Из десяти капитанов четверо имели среднее образование, трое – 7 классов, трое – 6 – 5 и менее классов.

Из 58 лейтенантов, призванных с 1936-го по 1940-й год 29 человек (50%) имели базовое среднее образование. Из 19 воентехников образование 10 классов имели 10 человек, 7 классов – 6, 6 классов и менее – 3 человека. Все они окончили одногодичные курсы.

Благодаря удачному подбору командного состава, организации Школы младших артиллерийских специалистов, наличию командиров, прошедших боевую школу в Испании (капитан Прошкин), на озере Хасан (капитан Найда и лейтенант Бережных) на учениях летом 1940 г. 497-й полк занял первое место среди 15 гаубичных артиллерийских полков МВО.

За успехи в боевой подготовке дивизия в числе 15 лучших соединений Красной Армии была награждена двумя переходящими Красными знаменами – от наркомата обороны и от командования Московского военного округа. Столь высокая оценка боевой подготовки говорит о многом. За короткий срок дивизия стала одним из лучших соединений не только в округе, но и в целом в Красной Армии.

В 137-й закладывались хорошие традиции. Уже тогда у кадровых бойцов было сформировано чувство превосходства, как лучшего соединения Красной Армии, что впоследствии позволило иметь такое же чувство и над противником.

Дивизия была полностью сколочена, как соединение, ощущала себя как спаянный коллектив, получила необходимый предбоевой опыт и закалку.

После учений маршал Тимошенко решил, что даже для такого крупного города, как Горький, слишком богато иметь столь хорошо обученный полк, как 771-й, и приказал направить его рядовой состав на формирование одной из частей Московского гарнизона. Для формирования нового 771-го полка были оставлены лишь командир части, замполит, начальник штаба и несколько средних и младших командиров...

«Парни были, как на подбор...»

Шапошников А. В., начальник штаба 771-го стрелкового полка, полковник в отставке:

– Жалко было расставаться с такими отличными солдатами. Нам разрешили оставить в Горьком лишь тыловые и специальные подразделения. Всеми правдами и неправдами мы переводили туда лучших красноармейцев и сержантов, чтобы сохранить костяк части. Новый состав полка был снова набран из горьковчан, призывников из Выксы, Городца, Кулебак, Павлова, Богородска, Шахуньи. Парни были, как на подбор, практически все – комсомольцы...

Вскоре полк снова стал лучшим в дивизии, он считался головным в соединении. Недавно, когда весной 1941-го в Генеральном штабе Красной Армии планировали перевести дивизию на штаты воздушно-десантной, то 771-й полк должен был стать парашютным, как лучший полк соединения. Парторг полка Алексей Наумов первым показал пример: прыгнул с парашютной вышки.

Ляшко П. А., старший писарь 771-го полка, помощник начальника штаба полка, полковник в отставке:

– Нам повезло на командиров. Полковник Малинов прекрасно знал своё дело, опытный методист – воспитатель, очень выдержанный, спокойный человек. Начальник штаба капитан Шапошников пользовался в полку авторитетом. Он никогда не повышал голос. Если конфликт или проблема – всегда разберётся, обдумает решение, никогда не бросал слов на ветер. Штабную работу Шапошников знал прекрасно, умел хорошо организовать любое сложное дело. Уважали в полку и комиссара Петра Александровича Васильчикова. Человек большевистской закалки, он сумел быстро завоевать авторитет и любовь личного состава полка...

Вскоре после наркомовских учений был отозван в Москву на новую должность командир дивизии комдив С. Е. Данилов. Нелегко ему было расставаться с соединением, в которое вложил столько труда и души. Тяжёлая судьба ожидала генерала Данилова в первые месяцы войны. Командуя другой дивизией, в одном из боёв он был ранен, попал в плен. Но и в плену он мужественно выполнял свой долг, и погиб истинным патриотом Родины.

Новым командиром 137-й стрелковой назначили полковника Гришина. В дивизию он пришёл, имея солидный опыт работы начальником оперативного отдела 17-й стрелковой дивизии, начальником отдела боевой подготовки Московского военного округа. За отлично спланированные и проведенные наркомовские учения Гришин был награждён орденом Красной Звезды.

За плечами у полковника Гришина была солидная и в то же время обычная для командира дивизии того времени биография. Родился Иван Тихонович Гришин в 1901 году в крестьянской семье, в деревне Внуковичи Рославльского уезда Смоленской губернии. В Красной Армии с 1920 года, участвовал в подавлении антоновщины, в 20-е годы окончил военную академию имени Фрунзе. Прошёл все ступеньки военной службы, начиная от командира взвода. Командование ценило его, как умелого методиста-воспитателя. 137-й дивизией полковник Гришин командовал в самый трудный период ее истории, до марта 1942-го. Потом работал начальником штаба армии, до конца войны командовал 49-й армией. За форсирование Днепра и взятие Могилёва генералу Гришину было присвоено звание Героя Советского Союза. Одна из улиц этого города носит его имя. После окончания войны генерал-полковник Гришин находился на дипломатической работе в Албании, затем работал начальником управления боевой подготовки Сухопутных войск. Жизнь Ивана Тихоновича оборвалась в 1950 году после тяжёлой болезни.

После наркомовских учений дивизия продолжала усиленно заниматься боевой учебой. В Европе шла война, все понимали, что не за горами она и для нашей страны. Напряжённо учились военному делу красноармейцы и командиры, у которых часто не оставалось времени, чтобы побыть дома в выходные дни с семьёй...

«Никакой передышки...»

Похлебаев Г. Г., командир батареи 76-миллиметровых орудий 771-го стрелкового полка, полковник в отставке:

– Весь последний год перед войной у меня остался в памяти, как период постоянно нараставшего напряжения в работе. В сентябре 40-го перевели в другую часть начальника артиллерии полка старшего лейтенанта Егорычева. Меня, не освобождая от должности командира батареи, оставили работать и за него. В октябре 40-го уехал на курсы секретаря партбюро полка Наумов. Мне, как члену бюро, поручили выполнять и его обязанности. Хорошо ещё, что мне много помогал мой заместитель по строевой части лейтенант Борис Терещенко. Полковник Малинов однажды сказал: «Товарищ старший лейтенант, первую половину дня ты работаешь с артиллеристами, (батарея располагалась в Тобольских казармах), а вторую – в партбюро полка». Мне приходилось каждый день совершать пятикилометровые марши по улице Свердлова. В феврале 41-го приехал с артиллерийских курсов старший лейтенант Меркулов. Он немного поработал в штабе артиллерии дивизии, а потом его перевели к нам в часть на должность начальника артиллерии полка, но занятия с расчётами все равно пришлось вести мне. В мае вернулся с курсов Наумов, это облегчило мне службу, но радоваться оказалось рано: старшего лейтенанта Терещенко у меня забрали и перевели командовать батареей. И так никакой передышки до начала войны...

В архиве Министерства обороны России хранится выступление полковника Гришина на совещании у наркома обороны в декабре 40-го года. Этот документ передаёт своеобразный дух предвоенного времени:

«Товарищ Народный комиссар обороны! Проведённые Вами смотровые учения в нашей дивизии и награждение ее высокой наградой – Красным Знаменем Красной Армии заложили прочную основу подготовки частей дивизии и создали условия для нашей плодотворной работы в дальнейшем. Мы сейчас на эту основу встали твердо. Правда, у меня нет опыта

в командовании этой дивизией в прошлом такого, как рассказывал командир 99-й дивизии. Но у меня есть опыт подготовки этой дивизии к смотровым учениям Народного комиссара обороны. Поэтому я буду говорить, как идёт учеба у нас сейчас. Мы все указания, которые были Вами даны на разборе тактических учений нашей дивизии, а также и других дивизий, учли и перестраиваем по ним всю систему своей работы.

Перестройку мы начали с таких вопросов. Вопрос казался бы очень простым – вынести учёбу в поле. Проще ничего не может быть. Но оказалось, что это очень трудное дело. У нас это дело сразу после лагерной учёбы не пошло. Что мы сделали для того, чтобы это дело сдвинуть? Мы взяли за основу те указания, которые были Вами сделаны на тактических учениях нашей дивизии, а также и других дивизий в других округах. Ещё раз проработали их со всем командным составом – старшим, средним и сейчас доводим их до нового пополнения, до каждого бойца.

Второе – мы перестроили свой внутренний распорядок таким образом, что два часа с утра занимаемся до завтрака, затем завтракаем и на все шесть часов выходим в поле. Это даёт нам возможность рационально использовать светлое время и не держать около казармы бойцов. Что мы здесь встречаем? Сразу этого дела не перевернёшь. Мы встречаемся с большими трудностями. Пережитки прошлого, шаблон, условности, которые существовали в этом деле, повторяются и сейчас. Здесь приходится в отдельных случаях прибегать к индивидуальным мерам. Особенно это касается тех командиров, которые ещё и сейчас хотят руководить вопросами боевой подготовки из канцелярии, из кабинета. Такие случаи есть.

Должен подчеркнуть, что по нашей 137-й дивизии мы имеем большой некомплект и, главным образом, основного звена – командира роты, некомплект выражается в 12 человек. Кроме того, во всей дивизии нет ни одного командира роты старше по званию, как лейтенант. Основная масса – младшие лейтенанты. С этой группой нам приходится очень много работать, чтобы недостатки выправить. Это создаёт для нас большую трудность.

Мы сейчас заканчиваем одиночную подготовку. Здесь высказывался ряд командиров о том, что она остаётся недоработанной. Да, она у нас остаётся во многом недоработанной. Я хотел бы доложить, как у нас обстоит дело. Пополнение в нашу дивизию прибыло в конце октября и начале ноября. Провести одиночную подготовку бойца за полтора месяца мы были не в состоянии. Нам предстоит большая работа по доработке одиночного бойца в период подготовки отделения, взвода и роты.

На сегодня учёба в дивизии развернулась во всех частях, но проходит она неравномерно. Там, где люди поняли перестройку по-настоящему, это дело идет гораздо быстрее. Мы имеем один такой полк, который точно по времени отрабатывает задачи все, которые положены по плану. Правда, не хватает еще качества. Над этим мы работаем. Мы на выдержку проверили в одном полку тактическую подготовку молодого пополнения. Результат оказался прекрасным.

Наряду с одиночной подготовкой бойца мы приняли такую систему, какую практикует и командир 99-й дивизии. Мы провели со взводом 10-километровый марш с темой «Действия головной походной заставы». Сегодня заканчивается 15-километровый марш роты по той же теме, и закончим декабрь 25-километровым маршем усиленного батальона. В январе мы планировали пяти-семидневный выход между двумя гарнизонами с отрывом частей на 50—60 километров. Это нам даст возможность втянуть наши войска, как в марши, так и в зимние условия.

Огневая подготовка. По огневой подготовке в основном сейчас этот полк, который идёт впереди, закончил первые начальные упражнения и приступил ко вторым. По остальным полкам упражнения заканчиваются. Результаты такие: отлично – 268 из 647 чел., хорошо – 191, посредственно – 145, плохо – 43 с общим процентом 93,5. В отдельных полках, где идут только разговоры о перестройке, только над этим думают, эта задача отработана на 50 процентов.

Для того чтобы улучшить качество боевой подготовки, – что мы проделываем. Мы проделываем следующие мероприятия. На сегодня мы задались такой целью, чтобы выявить отдельных командиров, которые сейчас учат бойцов показом. Нашли такого командира, а прошло несколько дней, – и в каждом полку имеем не одного, а десятки таких командиров, которые учат показом. Это – положительное явление, обеспечивающее качество учебы. Затем выявили лучший взвод дивизии, популяризировали его, и теперь каждый командир взвода старается вывести свой взвод на уровень данного показательного взвода. По полковым школам развернули эту же самую работу.

Затем секретари партийных бюро после 15-й окружной партийной конференции резко перестроили свою работу. Есть такие секретари партийных бюро, как тт. Башмаков и Казаков, которые имеют определенный план, когда, в какой батарее, в какой роте они будут на занятиях. Они не просто только присутствуют на занятиях, но и активно включаются в учёбу. Вернувшись из роты, докладывают командиру полка и помогают устранять недочёты. Комсомольские организации также отыскивали комсогов, которые по-настоящему перестроили работу и, популяризируя их образцы, проводят работу. Это тянет остальных вперед.

Работа с отличниками. Это важный раздел работы, особенно в период одиночной подготовки. У нас сначала забросили это дело, забросили отличников, которые были награждены Народным Комиссаром нагрудным значком «Отличник РККА» и награжденных ценными подарками за ученье и т. д. Сейчас эту армию отличников мы собрали, провели соответствующую работу, показали молодым бойцам, командирам рот и взводов. Мы ещё не полностью провели это мероприятие, но перед каждым из командиров рот и взводов поставили определенные задачи – иметь планы по выращиванию этих отличников. Скажем, каждый командир роты должен подготовить 2—3 отличника к определённому сроку, что вообще нас приведёт к возможности подготавливать и в дальнейшем отличников. Тем самым будем поднимать качество боевой и политической подготовки.

Генерал-лейтенант бронетанковых войск говорил, что в танковые части нельзя посылать людей, не знающих русского языка. Я должен сказать, что в нашей дивизии до 32 национальностей, так что девать их некуда. В пехоту брать нельзя, но нужно поставить интернациональное воспитание в центре нашего внимания. Мы решили поступить так: чтобы быстрее обучить русскому языку, мы распределили националов не более как по 2 человека по отделениям. Затем подготовили комсомольцев и прикрепили их к этим лицам, поставив вопрос, чтобы каждый боец каждый день заучивал по пять слов русского языка. В батальоне связи у нас было 5 чел., в ОРБ – 15 человек. Передо мной ставили некоторые командиры вопрос: «Уберите этих людей». Я заявил, что у нас много национальностей и никаких переводов не будет. И что же? Сейчас связисты работают прекрасно на ключе и передают по несколько десятков слов. Больше того, ни один командир батальона не просит их снимать. Это мероприятие чрезвычайно помогает. Человек видит предмет, например, руку, которая называется рукой до тех пор, пока не выучит.

Для того чтобы подготовить полноценного ефрейтора и обеспечить нашего отделенного командира помощником, мы провели такое мероприятие – собрали 45-дневный сбор из старослужащих 2-го года службы и к 1 января закончим этот сбор. Это обеспечит примерно на каждый полк 50—60 инструкторов. Я сам лично побывал на каждом сборе. Должен сказать, что качество занятий довольно высокое, и мы получим полноценных ефрейторов, которые обеспечат качество проводимых занятий в отделении.

Колоссальное значение имеют мероприятия, которые мы проводим по переподготовке командного состава по приказу Народного комиссара №0259. Вкратце хочу отметить, как недостаток, один штрих. У нас получается некоторая перегрузка дивизии. Округ проводит сборы – берёт от дивизии руководителей, корпус проводит – он берёт от дивизий руководителей, или

просто подготовку командиров батарей переложили на меня, и мой начальник артиллерии дивизии со штабом сидит на корпусных сборах больше месяца.

Недостаточно осуществляется контроль со стороны руководства этими сборами, и качество подготовки командира роты у нас оказалось слабее, нежели качество подготовки командира батареи. Мы сейчас проводим сбор командиров взводов. С командирами рот предстоит работать ещё очень много, чтобы подготовить из них настоящих мастеров. Командир роты – основное лицо, которое готовит непосредственно бойца, отделение и взвод. Эта категория оказалась моложе по возрасту, меньше по знаниям, и сбор прошел несколько ниже, нежели категория командира батальона и командира взвода.

Так идет у нас перестройка, так мы понимаем указания товарища Народного комиссара, которые нам даны были на разборе тактических учений.

Не совсем благополучно у нас обстоит дело с дисциплиной. Мы не изжили таких позорных явлений, как дезертирство, – был такой случай в декабре. Самоотлучки имеют место, имеют случаи пьянки, причём в звене младшего лейтенанта. В чём тут дело? Дело в том, что мы считали его полностью подготовленным командиром и бросили работать с ним, а он не сложился ещё как командир, мы же предоставили его самому себе. Сейчас мы это дело пересмотрели и наметили целый ряд мероприятий с тем, чтобы нам поднять категорию младших лейтенантов.

Устав дисциплинарной службы в дивизии мы понимаем правильно и дисциплинарную практику проводим правильно, но у некоторой части командного состава получилось простое администрирование. Я позволю себе назвать один такой пример. Есть заместитель командира батареи Ильченко – за ноябрь и 10 дней декабря он не дал ни одного поощрения, дал 53 наряда и 15 суток ареста. Мы сейчас провели основательную проверку состояния дисциплины в этом полку и ряде других частей и дали исчерпывающие указания, чтобы выправить этот недостаток.

Сейчас мы развернули широкое социалистическое соревнование внутри себя, вызвали ряд своих дивизий Московского военного округа на соревнование с нами за первенство. Мы ставим своей задачей во что бы то ни стало удержать знамя Народного комиссара, которое получила дивизия в прошлом году и будем бороться за первенство нашего Московского военного округа, чтобы сделать его передовым округом в Красной Армии».

"Война может вспыхнуть неожиданно..."»

Лукъянюк Ф. М., командир батальона связи дивизии, подполковник в отставке:

– В апреле 41-го я был на большом совещании в штабе МВО. Командующий Московским военным округом генерал Тюленев в заключительном слове дал нам суровый наказ: «В воздухе пахнет грозой, война может вспыхнуть неожиданно, поэтому, когда приедете в свои части, сделайте все расчёты на подъём и погрузку имущества и продовольствия в вагоны, вплоть до того, что назначьте старших по вагонам...

Из книги Л. А. Медведниковой «Личная правда о войне: говорят ветераны из российской глубинки»:

Афанасьев М. С., 497-й ГАП, старший сержант:

– Меня призвали в армию 14 марта 1941 года. Я вместе с другими шестью земляками попал в 497-й гаубичный полк. Он был расквартирован в старинном поместье графини Уваровой, очень красивом месте на берегу Оки, в селе Карачарове. Рядом был пустырь – это наш полигон. Там расположились артпарк, конюшни, плац для занятий строевой подготовкой. Мы попали в полковую школу, где было три взвода – огневой, связи и разведки. Я был в огневом взводе, а Рошков – мой товарищ – в разведке.

Первого мая я принял присягу. А через несколько дней полк прибыл в Гороховецкие лагеря. Было очень холодно. Выпал снег, и в палатках пришлось помёрзнуть. Но потом всё наладилось. Полковая школа жила своей жизнью. Шли занятия, караульная служба, строевая подготовка, наряды по школе, в столовой, на кухне. Прибавилось больше занятий – выезды с матчастью на артополигон. Очень тяжело было втягиваться, так как на трактор «Нати-5» всегда садились связисты и разведка, а нам – огневому взводу – надо было цеплять лямки за орудие калибра 152 мм и бежать до полигона. Вдобавок выкопать для орудия окоп, наметить ориентиры, подготовить данные для стрельбы.

А по утрам очень красивое зрелище было: после подъёма на плац выходили полки, началась зарядка. В белых нательных рубашках, под звуки оркестра – мы были похожи на белых журавлей.

Нам, молодым, не хватало пайка, и мы никак не могли привыкнуть к солдатскому рациону. Приходилось бегать в командирскую столовую – не осталось ли где-нибудь кусочка хлеба. Один раз был в карауле, и меня долго не меняли. Наконец, пришёл на кухню, получил остаток расхода, и тут уж наелся досыта. Всё было и горько, и сладко, хотя всего прослужил каких-то три месяца.

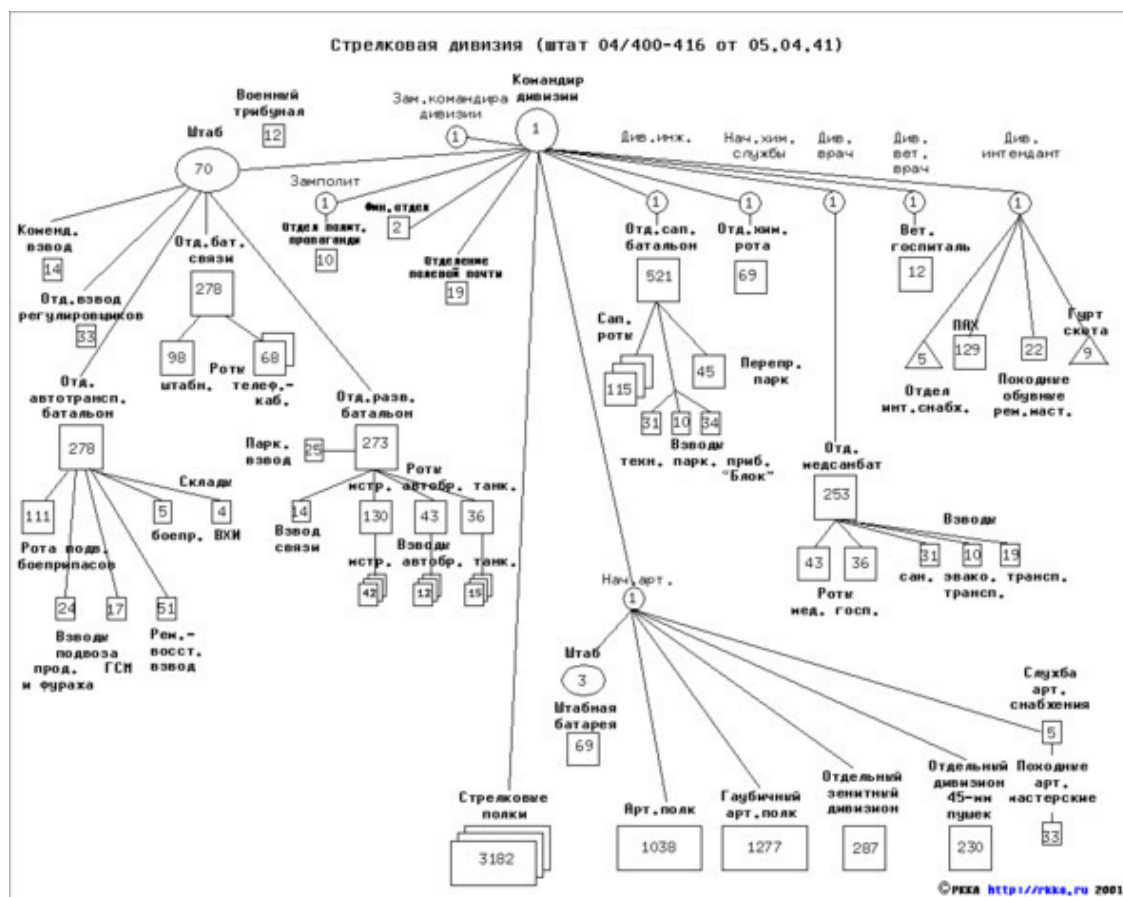
Брыкин В. А., кандидат исторических наук:

– В конце апреля – начале мая 1941 г. 497-й ГАП полк в новом составе собирался в летние полевые лагеря. В полк пришли много муромцев, призванных на летние сборы. Это были рабочие, служащие и колхозники города и района – всего около 300 человек.

Перед призванными на сборы на митинге выступил старший политрук Н. К. Иванов. Его речь была краткой, суровой и звучала очень тревожно: «Берём вас на 60 суток, но, возможно, сбор продлится». Если бы знал этот сильный, красивый и умный человек, как близок он к истине. А пока были сборы под Гороховцом, на Ильино-озере.

После ряда кадровых перемещений полк встретил летние учения 1941 г. в таком командном составе: командир полка – майор И. В. Малых, комиссар – старший политрук Н. К. Иванов, начальник штаба – капитан Н. С. Соснин, командир 1-го дивизиона Н. Н. Прошкин, 2-го – капитан С. Г. Найда, 3-го – капитан П. П. Гусев, начальники штабов соответственно старшие лейтенанты И. Н. Мяздриков, М. Г. Житковский, В. А. Жгут.

Пятого апреля 1941-го наркомат обороны утвердил новый штат стрелковой дивизии, по которому в период военного времени в соединении должно быть 14483 человека.

Вооружение:

Пистолеты-пулемёты – 1204; винтовки самозарядные – 10420; ручные пулемёты – 392; станковые пулемёты – 166.

Огнемёты – 30; 50-мм миномёты – 84; 82-мм миномёты – 54; 120-мм миномёты – 12; 45-мм пушки – 54; 76-мм полковые пушки – 18; 76-мм дивизионные пушки – 16; 122-мм гаубицы – 32; 152-мм гаубицы – 12; 7,62-мм комплексные зенитные пулемёты – 24; 12,7-мм зенитные пулемёты – 9; 37-мм зенитные пушки – 8; 76-мм зенитные пушки – 4.

Транспорт: повозки – 841; мотоциклы – 14; бронеавтомобили – 13; танки (Т-37, Т-38, Т-40) – 16; лошади – 3039; грузовые автомобили – 451; специальные автомобили – 78; радио автомобили – 10; легковые автомобили – 19; трактора – 99.

На бумаге эти цифры выглядели внушительно. В реальности 137-я стрелковая к началу лета 41-го имела далеко не всё, что должно было быть по штату. Всего 2—3 суток, до момента отправки на фронт, полковник Гришин имел под своим командованием дивизию, укомплектованную по штату. На фронте же практически никогда за всю войну дивизия не была укомплектована и оснащена в соответствии со штатом, который, кстати, менялся 7 раз.

Справка:

К 22 июня 1941 года в Красной Армии было 303 дивизии, из них 177 стрелковых и 19 горнострелковых, 61 танковая и 31 моторизованная, 2 мотострелковые и 13 кавалерийских, а также 22 бригады (16 воздушно-десантных, 5 стрелковых и одна механизированная). К началу боевых действий общая численность РККА составляла 5 030 980 человек, в том числе генералов и командиров – 568 364, сержантов – 645 635, красноармейцев – 3 061 714 человек. В первом эшелоне армий западных округов (расположенных на расстоянии до 50 км от границы) имелось 56 стрелковых и кавалерийских дивизий, две отдельные стрелковые бригады;

во втором (на удалении 50—100 км от границы) – 52 дивизии. В резерве командования округов в 100—400 км от границы находились 62 дивизии. Всего в западных округах было 170 дивизий Красной Армии.

С января 1939 года по 22 июня 1941 года Красная Армия получила 3719 боевых самолетов новых типов, 7580 танков (из них около 50 проц. новых конструкций), 29 637 полевых орудий и 52 407 минометов.

В связи со сложной международной обстановкой в Красную Армию в мае 41-го на военные сборы было призвано 800 тысяч человек из приписного состава. Около 3-х тысяч человек были призваны в том числе и в 137-ю дивизию. В основном это были участники финской кампании, обстрелянные бойцы. Сразу же после пополнения дивизия перешла в летние лагеря для продолжения боевой учебы. По вечерам, возвращаясь со стрельбищ и полигонов, красноармейцы пели: «Если завтра война, если завтра в поход...»

Дивизия была готова выполнить свой долг, но всё-таки весть о войне пришла неожиданно.

2. На фронт

*«Вставай, страна огромная,
Вставай на смертный бой...»*

И вот наступил этот самый трагический для страны день – 22 июня 41-го...

«Подняты по тревоге...»

Суетин И. А., помощник начальника оперативного отдела штаба 20-го стрелкового корпуса, майор в отставке:

– В ночь на 22 июня я был дежурным по штабу корпуса. Рано утром из штаба Московского военного округа поступило сообщение, что фашистская Германия напала на нашу страну. Так в Горьком мне довелось одному из первых узнать, что началась война. Сразу же были подняты по тревоге командиры из штаба корпуса. Только закончили совещание, вскрыли мобилизационный пакет – Молотов выступает по радио...

Васильчикова Полина Николаевна, жена комиссара 771-го стрелкового полка старшего батальонного комиссара П. А. Васильчикова:

– Накануне вечером, в субботу 21 июня, нам домой принесли документы, что Пётр Александрович зачислен в академию. Утром за чаем обсуждаем, как скоро поедет всей семьей в Москву, как вдруг врывается красноармеец-посыльный: «Вас срочно в штаб...». Сразу на сердце стало тревожно...

А Гороховецкие лагеря, где располагалась дивизия на лето, ещё жили обычной мирной жизнью...

Зверев Л. Н., начальник артмастерских 278-го легко-артиллерийского полка, полковник в отставке:

– 22 июня было первым выходным днем в моей офицерской службе. Утром мы с воентехником Ивановым – Юрченко, от которого я принял артмастерские полка, одели парадные гимнастёрки, надраили пряжки парадных ремней, сходили в столовую, а потом решили прогуляться по Ярославской группе Гороховецких лагерей. Утро было тихое, солнечное, ласковое. Много было прогуливающихся на берегу озера Инженерного из числа вновь прибывших и приписного состава. С гордостью мы прошли мимо нашего артпарка, где стояли новенькие, накануне нами проверенные и подготовленные к бою орудия. Подходим к артмастерской, уже около двенадцати часов. Но что это? Вокруг мастерской, на крыше которой был установлен громкоговоритель, стоит большая толпа людей. А в двенадцать часов услышали о начале войны. Быстро побежали в комнату, где мы жили, я снял парадную гимнастёрку, одел полевое обмундирование и не снимал его почти четыре года...

Самойленко А. М., связист 2-го батальона 771-го стрелкового полка, младший сержант:

– На утро 22-го июня было назначено общее построение полка. Все мы стояли в шеренге по два, ожидая строевого смотра каким-то большим начальником. Говорили, что наш батальон хотят сделать десантным. Прошло более часа, но ни один командир, даже младший лейтенант не появился. Я вызвался узнать, в чём дело. «Беги, – сказал кто-то в строю, – ты ведь у нас победитель полковых и дивизионных соревнований». Я и правда занимал первое место в полку и второе в дивизии по бегу. Быстро прибежал к штабу полка и вижу, как из него выходят молчаливые, озабоченные командиры, и поворачивают головы к тарелке громкоговорителя. Минуты через две-три диктор объявил, что работают все радиостанции Советского Союза, будет передано важное правительственное сообщение. В 12 часов выступил Молотов.

Я выслушал его речь и побегал к батальону. Все бойцы так и стояли в строю: дисциплина тогда была строгой. Но когда люди выслушали мой сбивчивый пересказ услышанного по радио, куда девалась дисциплина... Все начали расходиться, а вскоре у палаток появились маленькие костры – жгли письма, бумаги, какие-то вещи, которые не могли взять на войну, даже чемоданы...

Александров А. А., политрук роты 624-го стрелкового полка, подполковник в отставке:

– В этот день должен был состояться военизированный кросс. К десяти часам утра все колонны полка прибыли на старт. Играл духовой оркестр, настроение у всех было приподнятым. Дали старт первой колонне, потом второй. Только финишировала первая колонна – прибежал посыльный с приказом о немедленном прекращении спортивных мероприятий. К двенадцати часам полк должен построиться для заслушивания важного правительственного сообщения. Это была весть о подлом нападении гитлеровской Германии на нашу Родину...

Коробков А. А., телефонист 246-го отдельного батальона связи дивизии, старший сержант:

– А мы в двенадцать часов оказались в столовой. Как услышали, что война, у нас и ложки попадали...

Брыкин В. А., кандидат исторических наук:

– 19-го июня полк с полигона, где был на стрельбах, вернулся на летние квартиры в Гороховецких лагерях. А 20-го июня, в пятницу, приводили в порядок оружие, личный состав помылся в бане.

22 июня был день отдыха личного состава. Удивительно, но никто в этот день не пошёл, как обычно, навещать своих друзей-земляков, немногие бойцы играли в волейбол. Солдаты ходили группами около столовой и штаба. Командир полка майор И. В. Малых и старший политрук Н. К. Иванов с утра были вызваны в Горький в штаб 137-й стрелковой дивизии. Все чего-то ждали... И вот за несколько минут до 12-ти часов диктор объявил по радио, что в 12:00 выступит нарком иностранных дел В. Н. Молотов. Весть с быстротой пули облетела все подразделения полка, и к 12-ти часам весь полк стоял перед столовой, над которой звучал репродуктор. Подъехали командир и комиссар полка, и сразу же после речи Молотова прошёл митинг, после которого полк стал собираться на место постоянной дислокации в Миром. Свёртывали палатки, собирали имущество, оружие, орудия и следовали машинами и тракторами на погрузку к станции Ильино.

Афанасьев М. С., 497-й ГАП, старший сержант:

– Двадцать второго июня было солнышко. Лагерь готовился к спортивным соревнованиям. Выходной день, поэтому на стадионе играл духовой оркестр, готовились к соревнованиям футболисты, атлеты, боксеры. Настроение было праздничное, не чувствовалось, что где-то началась война.

Я тоже готовился к забегу на три километра. Был дан старт. Пробежал несколько кругов по стадиону, и увидел, что людей словно ветром сдуло, все куда-то бежали со стадиона. Мы тоже побегали. Люди стояли у репродуктора и слушали выступление Молотова: «Германия вторглась на территорию Советского Союза. Бомбит наши города...». Стояла такая тишина, словно все были заморожены. Сообщение о начале войны все слушали молча, и каждый думал о своём, ещё не осознавая, что происходит у него в душе.

После выступления Молотова мы стали расходиться по своим полкам. Послышались возгласы, что разобьём врага в пух и прах, и война быстро кончится. Это говорили молодые бойцы, а те, кто постарше, думали совсем по-другому: кто-то из нас останется на полях сражений и не вернётся домой.

В частях дивизии днём 22 июня прошли митинги, партийные и комсомольские собрания. Все командиры и красноармейцы давали клятву: не щадя жизни выполнить свой воинский

долг. После митингов в штабе дивизии прошло совещание командного состава. К этому времени из штаба корпуса пришёл приказ готовиться к маршу на зимние квартиры.

497-й гаубичный, 278-й легко-артиллерийский, 624-й и 409-й стрелковые полки на места постоянной дислокации выехали эшелонами...

Афанасьев М. С.:

– *Стали готовиться к возвращению на зимние квартиры в Муром. Там полк стал получать пополнение бойцов из города, посёлков и из районов Горьковской области. Всё это пополнение находилось в школе. Там проходили комиссию, получали обмундирование. Без команды из школы выходить было нельзя. А перед школой было ещё больше провожающих. Все ждали отправки, а она продлилась примерно три дня.*

Полк забрал всю материальную часть со своих складов. Полковую школу расформировали по дивизионам полка. Я попал во второй дивизион, где командиром был капитан Найда.

Полк грузился на станции Муром-2. На платформы ставили трактора и орудия, закрепляли для транспортировки. Был такой случай: трактор, гружённый ящиками со снарядами, подъезжая к станции, попал в кювет и накренился на один бок. В кузове сидели три бойца, одного из них придавило ящиками и мне, как жителю Мурома, пришлось везти солдата в железнодорожную больницу.

771-й стрелковый полк шёл из полевого лагеря на место постоянной дислокации пешим порядком...

Самойленко А. М., связист 2-го батальона 771-го полка, младший сержант:

– *Вечером 22 июня наш полк из Гороховецких лагерей пешком пошёл в Горький, в Красные казармы. Сначала шли организованно, всем полком, но постепенно растянулись. Командиры поторапливали, но никто не реагировал: каждый ушёл в себя, думая о начавшейся войне. Медленно идут час за часом, в пути накапливается усталость. Одни засыпали на ходу, другие падали, где попало, во время коротких привалов, третьи начинали изобретать болезни. Были среди нас и другие ребята – выносливые, сильные, горевшие желанием скорей попасть на фронт. В этой группе нас вырвалось вперед несколько десятков человек. Мы отмеряли километр за километром, каждый старался не отстать, не оказаться слабым. Так минула ночь, наступил рассвет, поднялось солнце. Стала донимать жара, а дороге, казалось, нет конца. Показалась деревня, на ее окраине стоял колодец. Один или два красноармейца бросились к воде, но их остановили: «Товарищи, имейте выдержку, на нас смотрит народ». Действительно, полдеревни собралось у крайнего дома – женщины с детьми. Вдалеке показались отставшие однополчане. Чем ближе они подходили, тем неприглядней картина: многие едва плелись, а такие молодые! Кто-то натёр ноги и теперь поднимал пыль голыми пятками. А как кинулись к колодцу – всей толпой, лезут головами в корыто. Сзади подходят другие, толчея еще больше. Первые признаки войны, с её трудностями, падением нравов...*

Наконец, казарма. Получили новое обмундирование, немного поднялось настроение, когда вместо ботинок с обмотками выдали кирзовые сапоги. Получили карабины и технику связи. Мне надо было работать на коротковолновой переносной радиостанции 6-ПК. Станешь ее настраивать – сплошной треск, шум, абонента не слышно...

Немедленно по прибытии на зимние квартиры началась подготовка к отправке дивизии на фронт. Предстояло за короткий срок решить массу проблем: дополнить приписной состав, технику, боеприпасы, продовольствие, лошадей, сено для них. Надо было всю технику и снаряжение быстро погрузить на платформы и в вагоны. Штабы дивизии и полков, все командиры в эти часы работали, не смыкая глаз.

«Быстро и без суеты...»

Федосеев И. А., командир взвода 238-го отдельного истребительного противотанкового дивизиона, лейтенант:

– В пять часов утра 23 июня мне принесли повестку из военкомата. В то время я жил в Горьком на улице Соревнования, а военкомат находился на улице Маяковского. Не теряя времени, простился с родными и побежал в военкомат. Оттуда меня направили в часть. Наш дивизион формировался в школе на Караваихе. Быстро и без суеты взвод получил положенное по штату вооружение и вскоре был готов к отправке на фронт...

Червов А. А., радиотехник батальона связи дивизии, капитан в отставке:

– А я попал на войну, как говорится, «с корабля на бал»: ехал на теплоходе из Васильсурского дома отдыха. На подходе к Горькому услышал по радио сообщение о начале войны. Сошёл с трапа, быстро сбежал домой – повестка была уже на столе, собрался, и в часть...

Иванов Е. В., политрук батареи 45-миллиметровых орудий 771-го стрелкового полка, подполковник в отставке:

– Командиру нашей батареи лейтенанту Терещенко, старшине и мне, как политруку, хлопот в эти дни досталось особенно много, хотя все были и не новички в полку. Нужно было принять и обмундировать пополнение, получить новые орудия и боеприпасы на батарею, повозки, продовольствие на дорогу, сено для коней. Опыт и организаторские способности нашего старшины Петра Иванова проявились здесь в полной мере. Мне главное внимание в эти дни пришлось уделять политработе. Упор в ней делал на индивидуальное изучение каждого бойца. Почему это было важно? Дело в том, что костях батареи состоял из красноармейцев и сержантов призыва 39–40-го годов. Это были двадцатилетние парни, почти все комсомольцы. Все они получили хорошую армейскую закалку, буквально рвались в бой и вообще были настроены очень воинственно, о доме беспокоились меньше всего. Другое дело – бойцы из запаса, оставившие дома семьи. Часто вместе с такими призывниками в казарму приходили их жёны и дети, начинались слезы. Надо было успокоить людей, убедить их в неизбежности нашей победы, что «русские прусских всегда бивали»...

23 июня в казармы стали прибывать первые мобилизованные из рабочих районов Горького, из колхозов Павловского, Богородского, Дальне-Константиновского, Арзамасского районов области... Если бы знать тогда этим мужикам, еще вчера вкалывавшим на сенокосе, как сложатся их судьбы...

...Летом 1987 года я приехал в Павлово и зашёл в райвоенкомат. Спросил девушку-секретаря, можно ли найти списки мобилизованных в годы Великой Отечественной войны. Девушка, словно ждала вопроса, молча подала увесистый том. На первой же странице – список мобилизованных, в основном в 771-й стрелковый полк. За несколько часов переписал его полностью – все 940 фамилий. Очень редко в списке попадались отметки о гибели, хотя к тому времени я знал, что домой из полка вернулось очень мало. Потребовалось несколько лет упорной работы, чтобы с помощью Павловского районного совета ветеранов установить, как сложились судьбы этих солдат.

Из 940 павловчан, призванных в 137-ю дивизию, числятся погибшими в боях 206 человек, еще 14 – умершими от ран. Время и место гибели – от первых боев, до последнего дня войны, от Могилевской области, до Берлина. В плену погибли 33 человека, причем в основном это данные из гитлеровских концлагерей. С немецкой педантичностью отмечены дата и место гибели. Больше всех в списке оказалось без вести пропавших – 579 фамилий. Судьбы еще 68 человек установить не удалось. А домой вернулись лишь 40 человек. Немногие из них дожили до старости...

Усилиями энтузиастов удалось вернуть из забвения десятки имён погибших солдат-павловчан. Так в селе Абабково бывший секретарь сельсовета Анна Фёдоровна Сокрутанова нашла и сохранила 19 фотографий своих земляков, мобилизованных в 771-й полк. Сорок пять мужчин ушли тогда в полк из этого села. Домой вернулись только 8 человек.

В школе села Лаптево Павловского района создан музей 771-го полка. Учителя и школьники установили судьбы многих солдат-земляков, нашли их родственников.

Тяжко читать этот список из почти тысячи фамилий, где на каждой строчке: «Погиб... Пропал без вести... Умер в плену... Судьба неизвестна...»

Поисковики из арзамасского отряда «Рассвет» по данным райвоенкомата так же провели работу по установлению судеб 1120 призванных земляков в 624-й стрелковый и 278-й легкоартиллерийский полки: пропали без вести – 294 человека, погибли в плену – 22, погибли в боях или умерли от ран – 107, вернулись после войны домой – 22, судьба неизвестна – 674 человека.

И вот наступил день отправки дивизии на фронт – 26 июня...

«Многие плачут навзрыд...»

Шапошникова Татьяна Тихоновна, жена капитана Шапошникова:

– После возвращения домой из летних лагерей я не видела мужа четыре дня. Он забежал ночью, проститься. Похудевший, глаза ввалились. – «Три ночи не спал... Если не будешь плакать, – сказал, – то возьмём с собой на вокзал»... Но как я могла обещать не плакать...

Бельков П. И., политрук стрелковой роты 771-го полка, подполковник в отставке:

– Дали приказ на построение. Звучат команды, и вот батальоны из Красных казарм стройными колоннами идут к Московскому вокзалу. На улицах тысячи горьковчан, все понимают, что мы уходим на фронт, а уходили мы первыми. Нет-нет, да и оглянется кто-нибудь из бойцов на город: «Доведётся ли вернуться...». На вокзале прошёл митинг. Провожали нас первый секретарь Горьковского обкома партии Родионов, председатель облисполкома Третьяков и начальник гарнизона генерал-майор Ерёмин. Это были замечательные люди, сколько они сделали для дивизии, все мы знали хорошо, ничего для нас не жалели. Наконец, подали команду грузиться в эшелон, сводный оркестр заиграл выжимающий слёзы марш «Прощание славянки». Загудел паровоз, тронулся эшелон, набирая ход, замелькали платки, женщины со слезами на глазах...

Коробков А. А., телефонист 246-го отдельного батальона связи дивизии:

– А мы, несколько друзей, пока шла погрузка в эшелон и прощание, успели сбежать в при вокзальный киоск и выпили «на посошок» по стакану красного вина. Я был уверен, что вина выпил последний раз в жизни: все равно убьют...

Так эшелон за эшелоном, из Горького, Арзамаса, Муром и Саранска отправлялись на запад полки 137-й стрелковой дивизии...

*Прощай, отчий край,
Ты нас вспоминай,
Прощай, милый взгляд,
Не все из нас придут назад...*

Александров А. А.:

– Станция Арзамас-2 гудела, как растревоженный улей. В ожидании отправки эшелона играл духовой оркестр, люди танцевали, плясали под гармони, всюду были слышны песни. Лица тех, кто отправлялся на фронт и тех, кто провожал, были весёлыми, с оттенком некоторой грусти и тревоги. У эшелона то дело было слышно: «Арзамасцы! Земляки! Ждите нас, вернёмся с победой!» Наш эшелон уходил первым, около полуночи...

Набель Н. А., ветеринарный врач 624-го стрелкового полка, майор ветслужбы в отставке:

– Напряжение отправки нарастало с каждым часом. Мы уезжали четвёртым эшелонном, часов в шестнадцать. При погрузке большинство бойцов и командиров прощались со своими родными. Всюду плакали и причитали. На команду «По вагонам!» реагировали далеко не все. Паровоз пыхтел и свистел, призывая к посадке, но проводы продолжались. Наконец, эшелон тронулся и медленно пошёл вперёд. Со всех сторон к вагонам бегут люди, вскакивают на ходу на подножки. Женщины бегут за эшелонном, многие плачут навзрыд. Такого всеобщего плача я никогда ещё не видел, он долго словно висел в воздухе...

Мелёшин С. Г., фельдшер 497-го ГАП, майор медицинской службы:

– Еще до войны из состава полка была отозвана большая группа рядовых и младших командиров для обучения в артиллерийских училищах. Вместо ушедших полк пополнился до штатов военного времени добровольцами и мобилизованными муромцами. Через три дня полк завершил мобилизацию, получил боевую технику, новое обмундирование, снаряжение и боеприпасы. Первый секретарь ВКП (б) г. Муром Москвин отдал командиру полка майору Малых свою легковую машину.

27—28 июня отправились на фронт 1-й и 2-й дивизионы. Первый эшелон вели лучший машинист Муромского депо Георгий Матвеевич Чернов, ставший через два года Героем Социалистического труда, и Николай Иванович Зуев. 29 июня от станции Муром отошёл 3-й дивизион капитана П. П. Гусева. Правда, до места дислокации не добрался. Третий дивизион воевал на других участках фронта.

Набирая ход, эшелоны спешили на запад. Чтобы перебросить дивизию на фронт, потребовалось 36 эшелонов. К моменту отправки в 137-й стрелковой насчитывалось свыше 14 тысяч человек, около трех тысяч лошадей, до 200 орудий и минометов, сотни автомашин, тракторов, повозок. Это был огромный, сложный организм, и мощная боевая единица с хорошо подготовленным личным составом. Шесть командиров в дивизии имели звание полковника на момент отправки на фронт, резерв младших командиров составлял до 200 человек.

Терещенко Б. Т., командир батареи 45-миллиметровых орудий 771-го стрелкового полка, подполковник в отставке:

– Всех нас, конечно, интересовал вопрос: куда же мы попадём, на какой участок фронта. Строили самые различные предположения. В Москве наш эшелон встретил секретарь ВКП\б товарищ Щербаков. Спросил, как настроение, поговорил с бойцами, а потом обронил фразу: «Ну что, выдержат сапоги Пинские болота?» – «В Белоруссию едем!» – мелькнула у меня мысль.

Федосеев И. А.:

– Я ехал в одном вагоне с бойцами. Настроение у всех было хорошее, боевое, даже песни пели. Беседовали, как в семье. Я читал вслух книгу Николая Островского «Как закалялась сталь», которую взял с собой. Такая товарищеская атмосфера на пути к фронту помогла лучше узнать друг друга, а это потом помогло нам в боях...

Они были каждый со своими мыслями и надеждами. Никто из них не мог знать, какая выпадет судьба на войне. Ехали и пятеро друзей-артиллеристов, молодые лейтенанты Борис Терещенко, Евгений Иванов, Николай Агарышев, Василий Соса, Георгий Похлебаев. Могли ли они даже подумать тогда, что один из них погибнет в первом бою, и друзья, с которыми прожил два мирных года, сами похоронят его у пыльной белорусской дороги. Другой будет раздавлен танком, но чудом выживет, снова попадет на фронт, дойдёт до Берлина командиром полка и станет первым комендантом рейхсканцелярии. Третий погибнет через два месяца в разведке, и его даже не сумеют похоронить. Двое других пройдут всю войну до конца, но судьба их разведёт, и они снова встретятся спустя несколько десятилетий, седые и израненные...

В одном купе ехало и командование 771-го пока – Иван Малинов, Пётр Васильчиков, Александр Шапошников, Алексей Наумов. Трое из них простились со своими жёнами и детьми навсегда.

Зюзин С. Т., красноармеец 624-го стрелкового полка:

– Поезд, не сбавляя скорости, проходил маленькие станции, да и на больших стоял недолго. Люди насторожены, бдительны, песен уже не слышно. Дополнительно устанавливаем на платформах зенитные пулеметы. Внешне все спокойно, но чувствуется, что фронт приближается. Где-то за Брянском на одной из станций красноармейцы побежали в тупик, посмотреть на вагоны с пленными немцами. Высокие, здоровые, в глаза не смотрят, отворачиваются. Лейтенант из охраны сплюнул: «Бить надо эту сволочь...»

На редких остановках все жадно слушают сводки Совинформбюро, а они с каждым днём тревожней. Пали Гродно, Барановичи, Минск. Навстречу все чаще санитарные поезда. Все ближе фронт...

«Так и не доехал до фронта...»

Коробков А. А.:

– На какой-то станции напротив нашего эшелона стояли открытые платформы с ранеными в грязных, окровавленных бинтах: Некоторые из них кричали: «Братки, берегитесь, вот нас какими оттуда везут...». Наш эшелон тронулся, и вдруг вижу: какой-то лей-

тенант спрыгнул из вагона и побежал к этим платформам с ранеными. В спину ему сразу же несколько выстрелов из винтовок... Еще одного труса расстреляли, едва приехали на фронт. Он выстрелил себе в руку. Заставили выкопать ямку и расстреляли перед строем...

Тюкаев В. Г., помощник начальника штаба 771-го стрелкового полка, полковник в отставке:

– Где-то за Москвой в наш эшелон сели двое летчиков со сбитых самолетов, которые стали рассказывать о положении на фронте: «Немцы бросили против нас большое количество танков, артиллерии, самолетов, на некоторых участках фронта наши войска беспорядочно отходят». Их сдали коменданту ближайшей станции, как паникёров...

Набель Н. А.:

– Шесть часов утра, погожее летнее утро, почти все еще спят. Вдруг резкий грохот потряс состав. Я выскочил из вагона, и, падая на землю, заметил в небе два немецких самолета. Одна бомба угодила в вагон, где ехали семьдесят пять человек, вторая в теплушку с лошадьми, третья ударила в рельс второго пути, да так, что кусок рельса вырвало, а концы загнулись, как салазки. Из эшелона выскакивают бойцы, бегут врассыпную в лес. Когда самолёты улетели, пошёл в голову состава, где упали бомбы. В вагоне с людьми бомба пробила крышу и пол, кругом исковерканные трупы. Один убитый висел под вагоном головой вниз, глаза остекленели от ужаса. Весь вагон в кусках человеческих тел, жутко смотреть. В конском вагоне месиво из мяса и костей. Половина туши лошади валяется под колесами, другую выбросило взрывом, у неё нет передней ноги и осколками разворочен живот. Надо пристрелить беднягу, но не могу. Подходит лейтенант: «Ну, что смотришь, стреляй!» – «Да вот пистолет заело!». Наконец выстрелил, чтобы прекратить её страдания. До сих пор в памяти глаза этой лошади, полные слез.

А к станции на носилках несут раненых. Впереди горит вагон, но его никто не тушит: все потрясены внезапной бомбежкой и смертями. Кто-то кричит: «Спасайся! Снаряды горят!» Все снова бегут кто куда. Страшный взрыв – на месте вагона огромная дымящаяся яма. Почти одновременно раздался второй взрыв. Огонь и куски металла падают на пакгауз, над ним вспыхивает столб огня. Снова взрыв, и, наконец, тишина. Подхожу к лежащему на земле бойцу. Лежит лицом вверх, ноги скрестил, лицо закрыл руками. «Вставай, парень», – говорю. А присмотрелся: «Батюшки! В голове кровавая яма!» Так и не доехал до фронта... Автобусы ввозят раненых, убитых закопали на этой безвестной станции. И снова команды «По вагонам!», гудок паровоза и нарастающий перестук колес...

Вечером 29 июня первые эшелоны с частями 137-й стрелковой дивизии начали прибывать на станцию Орша. Это были подразделения 771-го стрелкового полка полковника Малинова.

«Нервотрёпка и напряжение были страшными...»

Шапошников А. В., начальник штаба 771-го стрелкового полка, полковник в отставке:

– Орша горела. В воздухе то и дело появлялись немецкие самолеты. Надо было разгрузать эшелон, а поставили нас на высокую насыпь. С трудом нашёл коменданта станции. Обстановки он не знал, где фронт – неизвестно. Комендант был совершенно издёрган обступившими его военными и штатскими, только махнул мне рукой: «Разгружайтесь, как хотите». Вернулся к эшелону, доложил обстановку командиру, полковник Малинов приказал разгружаться. Подал команду, и из вагонов стали выпрыгивать красноармейцы, сводить лошадей, спускать с платформ орудия.

В Оршу мы прибыли первыми, не было никакой связи ни с командованием дивизии, ни с местными властями. Отвели полк в леса под Оршей и стали ждать своих. Только на четвертый день прибыл эшелон с командиром дивизии...

Реутов В. К., помощник начальника оперативного отдела штаба дивизии, подполковник в отставке:

— Эти дни были особенно тяжелы своей неизвестностью. Перед штабом дивизии стояла тогда масса проблем. Главное — нужно было собрать дивизию в кулак, а её эшелоны растянулись на сотни километров. Голова была в Орше, а хвост еще только выехал из Саранска. Представьте себе положение полковника Гришина: неизвестность, фронт приближается, а дивизии нет, связи с командованием нет. Нервотрепка и напряжение были страшными. Все эти дни мы, как могли, подтаскивали эшелоны в один кулак. А на дорогах бомбёжки, связи так и нет...

Документы

ДИРЕКТИВА №14, ШТАБ ЗАПАДНОГО ФРОНТА, МОГИЛЕВ, 1.7.41 г.

Первое. Противник захватил Минск и стремится выйти на р. Днепр, направляя основные усилия на Могилев и Жлобин. Основные группировки противника отмечены до 1000—1500 танков восточнее Минска и до 100 танков прорвались через р. Березина у Бобруйска.

Второе. Справа и слева фланги армий открыты. Задача армий фронта — не допустить противника выйти на рубеж р. Днепр и до 7.7.41 г. удерживать рубеж р. Березина на фронте Борисов, Бобруйск, Паричи, обеспечивая себя от обхода танков справа, севернее Борисова. Прорвавшиеся танки в районе Бобруйск — уничтожить.

Третье. 13-й армии в составе 50, 64, 100, 108 и 161-й стрелковых дивизий, отряда Борисовского гарнизона, 7-й противотанковой артиллерийской бригады, сводного отряда в гор. Березино, управлений 2-го и 44-го стрелковых корпусов, 301-го гаубичного артиллерийского полка Резерва Главного Командования в ночь со 2 на 3. 7. 41 г. отойти и упорно оборонять рубеж р. Березина на фронте Холхалец, Борисов, Бродец, имея 50-ю стрелковую дивизию в резерве в районе Погодина и 7-ю противотанковую артбригаду в районе Погост. Отход на указанный рубеж совершить с таким расчетом, чтобы до 2. 7. 41 г. удерживать промежуточный рубеж Холхалец, Стахов, Слободка, Червень. Граница слева: Смиловичи, Червень, Быхов.

Четвертое. 4-й армии в составе 55-й и 155-й стрелковых дивизий, сводных 42-й и 6-й стрелковых дивизий, 20-го механизированного корпуса и четырех отрядов заграждения в ночь на 3.7.41 г. выйти на рубеж р. Березина и упорно оборонять фронт Бродец, Бобруйск.

Обратить особое внимание на противотанковую оборону в направлении Свислочь, Могилев и Бобруйск, Могилев. Прорвавшиеся танки восточнее Бобруйск, используя отряды заграждений, не допустить за линию Слобода, Н. Городок, Озерцы. Отход провести с таким расчетом, чтобы до 2.7.41 г. удерживать промежуточный рубеж Червень, Осиповичи.

Пятое. Командиру 17-го механизированного корпуса к 3.7.41 г. вывести корпус в район Колбча, Слободка, Суша, где и привести части в порядок. 4.7.41 г. быть готовым к действиям в направлении Бобруйск для захвата последнего во взаимодействии с 204-й воздушно-десантной бригадой и 155-й стрелковой дивизией.

Шестое. Командующему Военно-воздушными силами:

1) прикрыть отход и сосредоточение войск на рубеже р. Березина;
2) быть готовым обеспечить атаки 17-го механизированного корпуса и 155-й стрелковой дивизии в направлении Бобруйск с воздуха, действиями в непосредственном взаимодействии по пехоте и танкам противника;

3) рядом повторных вылетов уничтожить транспортные самолеты противника на Бобруйском аэродроме и танковые колонны противника восточнее и западнее Бобруйска, у Смолевич и Борисова.

Седьмое. Командный пункт 13-й армии 4. 7. 41 г. — Тетерин, 4-й армии — Рогачев.

Восьмое. Командный пункт штаба фронта – лес 12 км северо-восточнее Могилев.
Примечание. По изучении и усвоении директивы – таковую уничтожить.
Командующий войсками Западного фронта генерал-лейтенант Еременко
Член Военного совета Западного фронта корпусной комиссар Фоминых
Начальник штаба Западного фронта генерал-лейтенант Маландин.

Обстановка на Западном фронте в конце июня начале июля была очень тяжелой. На участке Орша – Могилев действовала 2-я танковая группа генерала Гудериана в составе восьми танковых и моторизованных дивизий. Закончив операции в районе Минска, 3-го июля эти соединения форсировали Березину. Расстояние до Днепра, примерно 90 километров, дивизии Гудериана преодолели за пять суток. Темпы наступления противника падали, хотя в предполье Днепра и не было свежих советских войск: здесь сражались понесшие большие потери дивизии 13-й армии, отступавшие с боями от Минска. Эти войска старались выиграть время, чтобы подходившие резервы из глубины страны успели занять рубеж по Днепру и укрепить его.

В начале июля в 13-ю армию, которой командовал генерал Филатов, прибывали несколько свежих дивизий, управления корпусов, но прибывали они разрозненно...

Документы

ОПЕРАТИВНАЯ СВОДКА №14 к 20.00 1.7.41. ШТАБ ЗАПАДНОГО ФРОНТ, ГНЕЗДОВО

Первое. Войска Западного фронта в течение дня, сдерживая наступление танковых и механизированных частей противника, продолжали отход на новый оборонительный рубеж, одновременно вели бои за переправы по р. Березина и р. Ула.

Второе. 13-я армия. 50-я стрелковая дивизия – на рубеже Околово, Плещеницы, Логойск. В 3:00 1.7.41 г. была атакована в районе Плещеницы до 120 танками противника и в районе Логойск до 100 танками, после чего дивизия начала отход за р. Березина.

Сведений о других частях армии нет, так как армия не имеет с ними связи.

Штаб армии – Тетерин.

Третье. Сведений о положении частей 3-й и 10-й армий не поступило.

Четвертое. 4-я армия. На бобруйском направлении на рубеже р. Ола в 9:00 1. 7. 41 г. противник начал артиллерийскую и авиационную подготовку, после чего пытался форсировать р. Ола. Атака была отбита, при этом противник понес потери: восемь танков, 13 мотоциклов и три самолета. Колонна танков противника, прорвавшаяся 30. 6. 41 г. у Бобруйск, в 17 часов 20 минут – головой у ст. Быхов, движение на Могилев (данные авиации требуют проверки). Результаты боев и сведений о положении других частей фронта не поступало.

Пятое. Военно-воздушные силы фронта в течение дня бомбардировали противника на переправах, вели разведку и наблюдение за выдвижением танковых и моторизованных колонн, бомбардировали скопление танков противника в районе Плещеницы. Данных об итогах работы авиации за день не поступало.

Начальник штаба Западного фронта генерал-лейтенант Маландин

Начальник Оперативного отдела генерал-майор Семенов.

«Обстановка была совершенно неизвестна...»

Канцедал П. Н., комиссар 137-й стрелковой дивизии, полковник в отставке:

– С полковником Гришиным мы ехали в разных эшелонах, встретились в Орше третьего июля. Работники штаба остались встречать следующие эшелоны, а мы с ним отправились искать хоть какого-нибудь «хозяина». В Чаусах нашли штаб 20-й армии и получили там приказ: поступить в распоряжение командира 61-го стрелкового корпуса генерала Бакунина. Штаб корпуса стоял в Могилеве. От Бакунина получили задачу: занять оборону от Понизовья

(южнее Ориш) и далее на юг по Днепру на двадцать километров. А войск у нас в этот момент был всего один полк, 771-й, другие части еще ехали или стояли под разгрузкой. Обстановка на фронте нам была совершенно неизвестна, не знали её, пожалуй, и в штабе армии...

61-й стрелковый корпус в первые дни июля ещё только начинал сосредоточение на выделенном рубеже. Прибывающим дивизиям были указаны полосы: южнее 137-й дивизии – 53-я и 110-я до Могилева, 172-я в Могилеве и южнее. Полосы обороны у каждой дивизии была гораздо больше уставной, тем более, что войска ещё только начинали прибывать. Таким образом, наши войска, хотя и имели перед собой такую крупную водную преграду, как река Днепр, попали в невыгодное положение. До войны никаких оборонительных сооружений здесь не было, войска своими силами подготовить полосы обороны в инженерном отношении не успели и не могли. Командование армии предпринимало огромные усилия для укрепления обороны, и сделано было немало, но к 10 июля, моменту, когда гитлеровцы начали наступление на рубеже Днепра, наши войска, не успев сосредоточиться, находились в худшем положении.

Командование фронта вечером 3 июля направило в Москву очередной доклад:

Документы

ОПЕРАТИВНАЯ СВОДКА №17 к 20.00 3.7.41. ШТАБ ЗАПАДНОГО ФРОНТА ст. ГНЕЗДОВО

Первое. Западный фронт в течение дня продолжал отвод войск на второй оборонительный рубеж, производил оборонительные работы по восточному берегу р. Березина и вел бой за переправы на р. Березина и Друть, одновременно сосредоточивая вновь прибывающие части.

Второе. 13-я армия. Лепельское направление. В 18:30 2.7.41 г. под воздействием артиллерийского огня погранотряд, оборонявший переправы в районе Березино (западнее Лепель), не выдержав артиллерийского огня противника, подорвал мост и начал отходить (Доклад делегата). Лепель прикрывается сводным отрядом в составе курсантов минометного училища, Вильнюсского пехотного училища и 103-го противотанкового дивизиона. О прорыве танков противника восточнее Лепель данных нет.

Борисовское направление. В итоге боев 2. 7. 41 г. противник к исходу дня переправил на восточный берег р. Березина 50—70 танков. Ночью 3.7.41 г. противнику удалось переправить еще не установленное количество танков. С утра 3.7.41 г. части Борисовского гарнизона, оказывая упорное сопротивление танкам и мотопехоте противника, отошли на рубеж Лошница, Дроздино, где и вели бой днем 3.7.41 г. Данных о результатах боя к моменту представления оперсводки не поступило.

Березинское направление. С утра 3.7.41 г. противник возобновил попытки форсировать р. Березина в районе Березино. Атака противника была отбита; при этом уничтожено 4 танка, 6 автомашин с пехотой и одна офицерская машина противника. (По докладу генерал-майора тов. Кариофилли.)

Третье. Данных о состоянии частей 3-й и 10-й армий не поступило.

Четвертое. 22-я армия в течение дня продолжала проводить оборонительные работы и заканчивала сосредоточение войск. 51-й стрелковый корпус обороняет рубеж на фронте Краслава по восточному берегу р. Зап. Двина, Кушлики: 112-я стрелковая дивизия ведет оборонительный бой на рубеже Краслава, Устье. 98-я стрелковая дивизия обороняет рубеж – Дрисса и далее по восточному берегу р. Зап. Двина до изгиба р. Зап. Двина до Кушлики. 170-я стрелковая дивизия – к 10:00 2.7.41 г. в районе Себеж выгрузила 16 эшелонов и занимает Себежский укрепленный район – Застино, Ветренка, Теплюки.

62-й стрелковый корпус обороняет рубеж: 174-я стрелковая дивизия (двумя полками) – Полоцкий укрепленный район, Островщина, Ветрино, Вороницы, Улла; 186-я стрелковая дивизия – (иск.) Улла, (иск.) Бешенковичи. 153-я стрелковая дивизия вышла из района Витебск в район Бешенковичи, Сенно. 128-я стрелковая дивизия к утру 3.7.41 г. сосредоточилась из Полоцк в район Витебск. 179-я стрелковая дивизия – армейский резерв, сосредоточена

в районе Невель, после доукомплектования должна сосредоточиться в район Старны, Митрошина, Кошкино. Дивизия имеет направление контрудара на Полоцк, Витебск, Велиж. 174-я стрелковая дивизия распоряжением командующего армией выведена в подвижный армейский резерв в Невель, где готовит контратаки в направлениях: Опочка, Себеж, Дрисса, Полоцк, Витебск.

Штаб армии – Великие Луки.

Пятое. 20-я армия продолжает укреплять занимаемый оборонительный рубеж на фронте: Гряда, Моньково, Орша, Шклов, Могилев, одновременно производит сосредоточение частей и доукомплектовывает их материальной частью.

69-й стрелковый корпус – 229-я стрелковая дивизия занимает оборону на фронте Гряда, Коленьки. 233-я стрелковая дивизия сосредоточилась в районе Щнитки, Понизовье, Сивицкие. 73-я стрелковая дивизия сосредоточена в районе Щеки, Ст. Тухиня, Красное.

Штаб корпуса – Бабиновичи.

Отдельные дивизии, не входящие в состав стрелковых корпусов – 137-я стрелковая дивизия обороняет рубеж Моньково, свх. 7 км западнее Запруды, Багиново.

18-я стрелковая дивизия обороняет рубеж Мошково, Харьковка и далее по восточному берегу р. Днепр на участке Харьковка, Копысь.

53-я стрелковая дивизия – на рубеже Стайки, Плещицы.

61-й стрелковый корпус занимает рубеж и подготавливает его к обороне:

110-я стрелковая дивизия – на участке Н. Прудки, Макарицы;

172-я стрелковая дивизия – на участке Польшковичи, Могилев, Буйничи.

Штаб корпуса – лес 5 км юго-восточнее Могилев.

7-й механизированный корпус:

1-я мотострелковая дивизия выброшена для обороны Борисов совместно с Борисовским гарнизоном.

14-я и 18-я танковые дивизии сосредоточены в районе Серебрянка, Шубки, Рудня.

Штаб 7-го механизированного корпуса – ст. 8 км северо-восточнее Рудня.

Данных о положении 38-й истребительной, 31-й и 28-й смешанных авиационных дивизий не поступило.

Бронепоезд №47 выброшен в Могилев для усиления обороны последнего. Бронепоезда №48 и 49 – Орша.

Штаб армии – Белец.

Шестое. 21-я армия продолжает укреплять рубеж обороны по восточному берегу р. Днепр на участке (иск.) Могилев, Гомель, Лоев.

187-я стрелковая дивизия подготавливает рубеж обороны на участке (иск.) Буйничи, Гадиловичи.

167-я стрелковая дивизия – Рогачев, Жлобин.

820-й стрелковый полк 117-й стрелковой дивизии – на рубеже Четверни, «Пар» 2,5 км восточнее Шихово.

Остальные части 21-й армии продолжают сосредоточение – два эшелона 148-й стрелковой дивизии выгрузились на ст. Реста, Драниха. Один эшелон 61-й стрелковой дивизии на ст. Уза. Два эшелона 232-й стрелковой дивизии сосредоточились в район Красное, Мильча. Два стрелковых полка 117-й стрелковой дивизии – в движении для занятия обороны по р. Днепр на участке Черное, Речица.

Штабы стрелковых корпусов: 45-го – Никоновичи, 63-го – Буда Кошелево, 66-го – Гомель.

Штаб 21-й армии – Гомель.

Седьмое. Военно-воздушные силы фронта. Ввиду плохой погоды боевые действия военно-воздушных сил 2. 7. 41 г. были ограничены. Военно-воздушные силы фронта уничто-

жали мотомеханизированные части противника в Плещеницы, Бобруйск, вели разведку противника перед фронтом и прикрывали железнодорожные узлы и аэродромы Могилев, Орша, Быхов.

По неполным данным, к 1. 7. 41 г. сбито: 1 Ю-88, 1 ДО-17 и 2 МЕ-110. В районе Могилев сбито 4 Ю-88. Всего 8 самолетов.

Наши потери: 5 скоростных бомбардировщиков, 1 самолет Пе-2. Всего 6 самолетов.

Начальник штаба Западного фронта генерал-лейтенант Маландин.

Начальник Оперативного отдела генерал-майор Семенов.

В сводке не было данных о прорыве немецких войск в район Быхова и захвате Рогачёва и Жлобина, о выходе соединений 3-й танковой группы в районы Полоцка, Лепеля и Уллы.

В это время части 4-й танковой группы вермахта прорвались к Западной Двине северо-западнее Полоцка, создав угрозу и правому флангу 22-й армии генерала Ершакова.

3. «Сбросить противника в Днепр!»

«Приказы Родины – вот мой дневник...»

Виктор Авдеев

Из 137-й стрелковой дивизии полковника И. Т. Гришина, прибывающей на рубеж Моньково, Багриново, к исходу 4 июля успели сосредоточиться, не считая ранее прибывшего 771-го полка, только несколько подразделений 624-го стрелкового и 278-го легко – артиллерийского полков.

4 июля 137-я стрелковая дивизия была включена в состав 61-го корпуса, которой отводилась оборона рубежа Понизовье (южнее Орши), Левки. Получив задачу, командир дивизии сразу направил передовые отряды в западном направлении с целью своевременного обнаружения и разведки сил противника, выходящего к Днепру в полосе обороны дивизии. На следующий день, 5-го июля 176-й отдельный разведывательный батальон капитана Соломина, высланный в направлении города Борисова в качестве передового отряда 137-й стрелковой дивизии, в районе Коханово принял встречный бой с немецкими танками, но вынужден был отойти к Днепру. К Орше выходили авангарды 47-го моторизованного корпуса 2-й танковой группы генерала Гудериана.

К 9 июля на рубеж реки Днепр вышли все три моторизованных корпуса 2-й танковой группы Гудериана. Хотя они и понесли в предыдущих боях серьезные потери, всё же значительно превосходили выдвигавшиеся им навстречу советские войска в людях и боевой технике. У Гудериана насчитывалось не менее 800 танков, тогда как противостоявшая ему 13-я армия имела их не более десятка. У гитлеровцев была мощная поддержка авиации, моторизованная пехота, артиллерия на механизированной тяге. Вслед за танковыми дивизиями по мере завершения операций в районе Минска к Днепру подтягивались и армейские корпуса.

В штабе Западного фронта знали, что танковые дивизии Гудериана считаются лучшими в вермахте, личный состав имел опыт боев в Польше и на Западе, воспитан на легких победах. Это был умный, смелый и беспощадный враг.

7 июля 1941 года германское командование объявило о ликвидации окружённой группировки советских войск в районе западнее Минска. 8 июля был издан приказ командующего войсками группы армий «Центр»:

Документы

ПРИКАЗ

Двойная битва за Белосток и Минск завершилась. Группе армий противостояли четыре русские армии, насчитывавшие около 32 стрелковых дивизий, 8 танковых дивизий, 6 механизированных бригад и 3 кавалерийские дивизии. Из них нам удалось разбить 22 стрелковые дивизии, 7 танковых дивизий, 6 механизированных бригад и 3 кавалерийские дивизии. Другие русские части, которым удалось вырваться из окружения, в значительной степени потеряли свою боеспособность.

В ходе боёв противник понёс большие потери. На вчерашний день число пленных и количество захваченного военного имущества исчислялись следующими цифрами: взято в плен 287 704 человека, в том числе несколько корпусных и дивизионных генералов. Захвачено и уничтожено 2585 танков, включая самые тяжелые, и 1449 артиллерийских орудий. Кроме того, захвачено 246 боевых самолетов.

Помимо вышеперечисленных трофеев, захвачено огромное количество стрелкового оружия, амуниции и автомобилей всех типов, а также продовольствия и горючего.

Наши потери тяжёлыми не назовешь, и храбрый солдат сочтёт их приемлемыми.

Солдаты! Благодаря вашей преданности и храбрости мы достигли огромного успеха в борьбе с сильным врагом, войска которого часто сражаются до последнего человека.

Сердечно поздравляю с этой победой всех солдат и офицеров, а также людей из групп снабжения и рабочих команд, которые отдали все свои силы для достижения успеха. Приношу отдельные благодарности Люфтваффе, которые в очередной раз продемонстрировали прекрасные образцы сотрудничества и кооперации.

Мы должны воспользоваться плодами этой победы! Я знаю, что войска группы армий будут продолжать храбро сражаться и впредь: они не будут знать ни сна, ни отдыха до достижения полной победы!

Да здравствует фюрер!

фон Бок, генерал-фельдмаршал.

Советские солдаты и командиры из подходящих с востока к Днепру дивизий об этом приказе фон Бока в те дни не знали. Как не знали они и полной правды об обстановке на фронте. Наверное, тогда её лучше было и не знать...

Командир 61-го стрелкового корпуса генерал-майор Бакунин, понимая, что скоро возможен прорыв противника к Могилеву и далее на восток, отдал боевой приказ своим дивизиям на оборону рубежей по Днепру:

1. О противнике. Перед фронтом корпуса ведут стремительное наступление крупные вражеские силы, поддерживаемые авиацией: со стороны Бобруйска 3-я и 4-я танковые дивизии, со стороны Березино – 17, 18, 10-я танковые дивизии и 10-я моторизованная дивизия. Передовые части противника остановлены в районах Бобр – Толочин, Березино – Бельнич, Свислочь – Друть, Бобруйск – Быхов.

2. Задача. Прочно занять рубеж обороны Орша (искл.), Копысь, Шклов, Могилев, Дашковка. Передний край – восточный берег Днепра.

3. Соединениям оборонять полосы:

137-й стрелковой дивизии – Понизовье, Левки, КП – д. Черное;

53-й стрелковой дивизии – Копысь, Шклов, КП – д. Словенки;

110-й стрелковой дивизии – Шклов (искл.), Кострица, Мосток, КП – д. Черепы;

172-й стрелковой дивизии с отдельным противотанковым артиллерийским дивизионом – Пашково, Титовка, Буйничи, КП – западная окраина Могилева.

4. Резерв. Полк 110-й стрелковой дивизии (командир – полковник Пшеничников) и отдельный противотанковый дивизион. КП корпуса – д. Городище, запасной – лес южнее д. Орда.

5. Станция снабжения – ст. Темный лес.

6. Всем командирам дивизий иметь в глубине обороны полк во втором эшелоне.

Маршал Тимошенко вечером 5 июля доложил в Ставку Главного Командования:

Документы

ТОВАРИЩУ СТАЛИНУ

ТОВАРИЩУ МОЛОТОВУ

ТОВАРИЩУ ЖУКОВУ

Группировка противника против Западного фронта к исходу 5. 7. 41 г. складывается следующая:

1. Основная группировка противника до двух танковых и двух мотодивизий в районе Лепель, откуда она развивает действие в витебском направлении. Такая же по составу группировка противника действует из района Бобруйск на Рогачев, Жлобин.

Вспомогательные действия противник ведет на полоцком и оршанском направлениях. Значительно возросла активность противника со второй половины сегодняшнего дня.

2. К исходу дня войска Западного фронта отбили все попытки наступления противника и продолжают удерживать рубеж рр. Зап. Двина, Днепр, имея передовой эшелон на линии р. Березина.

В течение дня упорные бои велись в районе Борковичи, где противнику удалось переправить до двух полков пехоты. Нашими войсками противник отеснен, бой продолжается. В районе Борисов шли упорные бои, к вечеру 5. 7. 41 г. 1-я мотострелковая дивизия, 44-й и 2-й стрелковые корпуса с рубежа р. Бобр перешли в наступление с задачей разбить противника и овладеть переправами на р. Березина у Борисова. Бой продолжается. По р. Днепр противник в течение дня атакует наши части на широком фронте Ст. Быхов, Жлобин.

Наступление на 22:00 5. 7. 41 г. отбито с большими потерями для противника. Уничтожено 35 танков, из них – 6 средних, 13 тяжелых и 12 мотоциклов. На нашей стороне в районе Збарово осталось 300 человек убитыми, количество пленных выясняется.

Полагаю, что противник пытается ударом на фронте Витебск, Диена создать благоприятную обстановку как для наступления на Псков, Порхов, так и для развития успеха на смоленском направлении.

Войскам Западного фронта поставлена задача, прочно удерживая рубеж рр. Зап. Двина, Днепр, с утра 6.7.41 г. перейти в решительное наступление для уничтожения лепельской группировки противника.

В течение этой ночи усилия авиации направляются на уничтожение авиации противника на ближайших аэродромах и воспреещение переправ противника через р. Зап. Двина и р. Днепр. С утра 6.7.41 г. внимание авиации приковано к взаимодействию с наземными войсками на направлениях Лепель и Борисов.

3. С целью облегчения управления войсками 21-й армии, занимающей очень широкий фронт, решил временно перебросить управление 13-й армии в район Могилев, подчинив ему войска на фронте Шклов, Нов. Быхов.

Вся авиация численностью 103 самолета-истребителя и 93 бомбардировщика распределена по армиям. В распоряжении фронта осталось только 57 бомбардировщиков. Обстановка требует немедленного усиления нашего фронта бомбардировочной и истребительной авиацией.

Вечером 5 июля в Москву был отправлен очередной доклад об обстановке на фронте:

ОПЕРАТИВНАЯ СВОДКА №21 к 20.00 5.7.41. ШТАБ ЗАПАДНОГО ФРОНТА ГНЕЗДОВО

Первое. Войска Западного фронта в течение дня вели преимущественно оборонительные бои, продолжая частями, оставшимися в тылу подвижных соединений противника, удерживать занятое положение. Войска фронта одновременно сосредоточились в районе Витебск и лесах севернее Орша для нанесения контрудара по прорвавшимся мотомеханизированным частям противника в общем направлении на Лепель.

Второе. Данные о положении и действии частей 3-й и 10-й армий, 21-го стрелкового, 6-го механизированного и 6-го кавалерийского корпусов не поступают с 26—27.6.41 г.

Второй эшелон штаба 3-й армии в составе 180 человек, выйдя из окружения, прибыл и разместился в районе Гусино. Указания об отходе были получены от командующего 3-й армией в 18:00 26.6.41 г. в Берестовица. Оперативная группа должна была отходить в ночь на 27.5.41 г. на Пески, где для нее был наведен мост 35-м понтонным полком. В район Давид-Городок вышел из окружения командир 6-й стрелковой дивизии со штабом и частью сил своей дивизии.

Третье. 13-я армия. Борисовское направление. Части армии в результате упорных боев днем 5.7.41 г. в районе Борисов стали отходить и к 12 часам, ведя сдерживающие бои, вышли на фронт Крупки, Чернявка, Бродец.

44-й стрелковый корпус в составе 50-й стрелковой дивизии, БТУ, 1-й мотострелковой дивизии, ведя упорные бои с частями 17-й и 18-й моторизованных дивизий противника, отошел на рубеж Крупки, Выдрица. Сведений о 50-й стрелковой дивизии не поступило.

Штаб корпуса – Славени.

2-й стрелковый корпус в ночь на 5.7.41 г., произведя перегруппировку, перешел к обороне по восточному берегу р. Березина на фронте: 161-я стрелковая дивизия – Чернявка, (иск.) Журовка. 100-я стрелковая дивизия – Журовка, Бродец; дивизия ведет бои с мелкими разведгруппами 10-й моторизованной дивизии противника.

Штаб корпуса – Михеевичи.

42-я бригада войск Народного комиссариата внутренних дел, самовольно начавшая отход, остановлена и перешла к обороне на фронте Эсьмоны, Осовец.

Штаб 13-й армии – Тетерин.

Четвертое. 22-я армия. Части армии в течение дня вели бои с прорвавшимися частями противника в районе Якубинки, Кушлики и отражали попытки его разведывательных органов проникнуть в расположение частей армии.

51-й стрелковый корпус: 170-я стрелковая дивизия занимает оборону в Себежском укрепленном районе на фронте Заситино, Ветренка, Теплюки; 112-я стрелковая дивизия в связи с отходом частей 27-й армии Северо-Западного фронта была вынуждена отойти на рубеж (иск.) Теплюки, Устье; 98-я стрелковая дивизия совместно с частями 174-й стрелковой дивизии вела бои с переправившейся частью противника на рубеже (иск.) Устье, Дрисса, Дадеки, Водва, Куликово. Сведений о результатах боя еще нет.

Штаб корпуса – Клястицы.

62-й стрелковый корпус: 174-я стрелковая дивизия с частями Полоцкого укрепленного района продолжает успешно обороняться на рубеже Кушлики, Ветрино, Гомель, (иск.) Улла; 186-я стрелковая дивизия частью сил успешно продолжает оборонять восточный берег р. Зап. Двина на участке Улла, Бешенковичи. Дивизия отразила попытку противника переправиться в районе Улла. 15 эшелонов дивизии в пути в районе Себеж, Витебск.

Штаб корпуса – 4 км юго-восточнее ст. Лосвида.

179-я стрелковая дивизия ведет оборонительные работы в районе Невель и доукомплектовывает свои части.

128-я и 153-я стрелковые дивизии директивой штаба фронта №16 переподчинены 20-й армии.

Штаб 22-й армии – Великие Луки. Командный пункт и узел связи – лес 10 км севернее Невель.

Отряд генерал-майора Терпиловского (Лепельское минометное училище, 2-й эшелон 247-го стрелкового полка 37-й стрелковой дивизии) в ночь на 5.7.41 г. отошел в Витебск для переформирования.

Пятое. 20-я армия. Части армии продолжают укреплять занимаемый рубеж обороны и подтягивать вновь прибывающие части.

69-й стрелковый корпус занимает оборонительный рубеж Бешенковичи, Сенно, Богущевск, Орша и продолжает выгрузку вновь прибывающих частей.

153-я стрелковая дивизия занимает рубеж Бешенковичи, Сенно.

229-я стрелковая дивизия занимает район Богущевск. В состав дивизии прибыли и выгрузились на ст. Орша один стрелковый полк, управление дивизии, батальон связи, зенитный артиллерийский дивизион.

233-я стрелковая дивизия – Шилы, Казаки, Ключовка.

Штаб корпуса – лес севернее Бабиновичи.

73-я стрелковая дивизия, сменив части 137-й стрелковой дивизии, занимает фронт Заречье, Запрудье, Щетинка (3 км юго-западнее Орша).

18-я стрелковая дивизия – на рубеже Щетинка, Копысь.

137-я стрелковая дивизия, сдав участок обороны частям 73-й стрелковой дивизии, сосредоточилась в лесу 3 км севернее Орша, ее 624-й стрелковый полк и 497-й гаубичный артиллерийский полк разгружены в районе Кричев и находятся в движении в район сосредоточения дивизии.

128-я стрелковая дивизия – армейский резерв – в районе Витебск.

7-й механизированный корпус (14-я и 18-я танковые дивизии) к 10.00 5.7.41 г. сосредоточен в районе Вороны, Фальковичи, Новоротье. 14-я танковая дивизия – в районе Новоротье, Вороны, Фальковичи. 18-я танковая дивизия – в районе (иск.) Вороны, ст. Крынки, Стасево.

Штаб корпуса – Королево.

5-й механизированный корпус (17-я и 13-я танковые и 109-я моторизованная дивизии) сосредоточен в районе Селекта, Селище, Ореховск. 17-я танковая дивизия без одного батальона вышла в район лес северо-восточнее Селекта. 13-я танковая дивизия без 25-го танкового полка и двух мотострелковых батальонов – в районе Селище, Высокое. 109-я моторизованная дивизия в составе двух танковых и полутора мотострелковых батальонов вышла в район лес у перекрестка дорог южнее Орша. 50, 51 и 52-й бронепоезда в состав армии не прибыли, так как, по данным начальника службы военных сообщений Западного фронта, бронепоезд №51 действует на калинковичском направлении, бронепоезда №№50 и 52 – в районе Жлобин в соприкосновении с противником.

Штаб 20-й армии – совхоз 12 км юго-восточнее Красное.

Шестое. 21-я армия. В течение дня продолжала укрепление полосы главного сопротивления по восточному берегу р. Днепр на фронте Шклов, Лоев.

61-й стрелковый корпус (53, 110 и 172-я стрелковые дивизии) занимает рубеж Шклов, Могилев. Положение дивизий уточняется.

Штаб корпуса – лес южнее ст. Луполово.

45-й стрелковый корпус. 187-я стрелковая дивизия занимает оборону по восточному берегу р. Днепр от Вильчицы до Свержень. Передовые отряды дивизии к 10 часам занимали: отряд 292-го стрелкового полка – Косичи, отряды 236-го стрелкового полка – в районе Комаричи и Мадоры.

Передовой отряд 338-го стрелкового полка в результате боя с противником силою до 45 танков на рубеже Незовка, Глухая Селиба отошел на восточный берег р. Днепр. В 10 часов 30 минут противник овладел Быхов, потеряв при этом 10 танков. Попытка противника форсировать р. Днепр в районе Гадиловичи отбита.

Штаб корпуса – лес 0,5 км южнее Дабужа.

63-й стрелковый корпус закончил перегруппировку и продолжает оборонительные работы.

С утра противник силою до батальона пехоты с танками форсировал р. Днепр южнее Рогачев. Контратакой частей 63-го стрелкового корпуса был отброшен на западный берег р. Днепр.

167-я стрелковая дивизия занимает оборону по восточному берегу р. Днепр от Збарова до Цупер.

117-я стрелковая дивизия ведет оборонительные работы по восточному берегу р. Днепр от Цупер до Стрешин, имея тет-де-пон на западной окраине Жлобин.

61-я стрелковая дивизия сосредоточилась и укрепляет район Гадиловичи, Городец, Фундаменка, Стар. Крывск.

Штаб корпуса – Городец.

66-й стрелковый корпус продолжает оборонительные работы по восточному берегу р. Днепр. 232-я стрелковая дивизия – на рубеже (иск.) Стрешин, Унорица... 154-я стрелковая

дивизия продолжает работы по созданию противотанковых рвов на северо-западной окраине Гомель.

Штаб корпуса – Гомель.

110-й стрелковый полк 53-й стрелковой дивизии – в Районе Речица.

67-й стрелковый корпус (102, 151, 132-я стрелковые дивизии) сосредоточивается в район Чечерск, Гомель, Добруш. Прибыло по одному стрелковому полку от каждой стрелковой дивизии, артиллерия, корпусное управление и корпусные части.

В ночь с 3 на 4.7.41 г. четыре отряда силою один до полка, остальные по 100—200 человек каждый высланы на машинах на направление через Речица на Шацилки, Паричи, Бобруйск с задачей: действиями по тылам противника связать его действующие механизированные части в рогачевском направлении. В 2.00 5.7.41 г. отряды произвели переправы один в районе Шацилки, второй – Паричи и наиболее сильный отряд был в 15—20 км южнее Бобруйск. Кроме того, на Бобруйск через Калинковичи действуют два бронепоезда.

20-й механизированный корпус 4.7.41 г. отошел в район Дулебо, 5.7.41 г. – в район Городище, Белевичи.

Седьмое. 19-я армия перевозится по железной дороге. Первые два эшелона армейского управления к 16:00 5.7.41 г. подходили к Смоленску.

23-й механизированный корпус (48-я, 51-я танковые и 220-я моторизованная дивизии, корпусное управление) сосредоточился в лесу юго-западнее Бояры, 10 км северо-западнее Лиозно.

Восьмое. Части 4-й армии продолжают переформирование и доукомплектование в районах:

28-й стрелковый корпус: 6-я стрелковая дивизия – Краснополье (часть сил 6-й стрелковой дивизии вышла в район Давид-Городок). 42-я стрелковая дивизия – Горки, Заручье, Кургановка. 55-я стрелковая дивизия – Покоть.

Штаб 28-го корпуса – Покоть.

47-й стрелковый корпус: 143-я стрелковая дивизия – Добруш, 121-я стрелковая дивизия – данных не поступило.

Штаб 47-го корпуса – Бартоломеевка.

Штаб 4-й армии – лес 2 км южнее Новозыбков.

Девятое. В ночь на 5.7.41 г. противник произвел налеты на Витебск, Орша, Могилев, Гомель и Смоленск. Бомбардировке и обстрелу подверглись Смоленск и районы сосредоточения войск, в остальных пунктах производилась только разведка. Смоленск бомбардировался 7 самолетами, из сброшенных бомб около 60% не разорвалось. В четырех пунктах города возникли пожары, которые были быстро ликвидированы.

Начальник штаба Западного фронта генерал-лейтенант Маландин

Начальник Оперативного отдела генерал-майор Семенов.

ПРИКАЗ ВОЙСКАМ 20-й АРМИИ №07 8.7.41 г. ЛЕС 3 км СЕВЕРНЕЕ ОРША

Опыт двухдневных боев механизированных корпусов показал следующие недочёты в ведении танкового боя:

1. Мелкие танковые подразделения (рота, взвод) во время наступления двигаются большей частью по дорогам, в колонне, один танк за другим. При встрече с противотанковой артиллерией обычно головной танк выводится из строя, а остальные, вместо того чтобы быстро развернуться, атаковать и уничтожить противника, теряются, топчутся на месте и часто отходят назад.

2. В действиях отдельных подразделений и частей отсутствует маневр. Напоревшись на противотанковый рубеж или заграждение, танки пытаются их атаковать в лоб или отходят,

не используя присущей им маневренности, не обходят противотанковые укрепления и не ищут обходных путей.

3. Отсутствует взаимодействие танков с пехотой и артиллерией. Артиллерия не прокладывает дороги танкам и пехоте, стреляет по площадям, а не по конкретным целям, недостаточно метко уничтожает противотанковую артиллерию противника. При встрече танков с противотанковой артиллерией и инженерными препятствиями пехота не помогает им преодолевать их. Необходимо даже с самыми мелкими танковыми подразделениями посылать пехоту для того, чтобы она помогала танкам своим огнем подавлять противотанковые орудия и преодолевать противотанковые укрепления, а затем танки должны прокладывать путь пехоте.

4. Командиры полков и дивизий вместо массовой и решительной атаки противостоящего противника высылают без нужды много различных разведывательных и охраняющих групп, распыляют свои силы и ослабляют танковый удар.

5. Преступно обстоит дело с донесениями и информацией. Командиры частей и соединений находятся в танках, теряют свои радиостанции для связи с вышестоящими штабами. Никто не несет ответственности за информацию вышестоящего штаба. Часто сведения о противнике, о состоянии своих частей, характере и формах боя искажаются, перевираются и приносят вред. В тылу много разнообразных слухов, причем при проверке оказывается, что никто ничего не знает, один передает со слов другого. Даже разведывательные органы, высылаемые с целью добыть достоверные данные боем, докладывают командованию неверные данные и со слов других, вместо того, чтобы доносить то, что выяснил личным наблюдением и боем. И никто за это не привлекается к суровой ответственности.

6. Приказ об отрядах заграждения и наведения порядка в тылу не выполняется. Дисциплина марша не соблюдается. Одиночные машины без руководства и конкретной необходимости сотнями катают по дорогам, обгоняя друг друга и нарушая нормальное передвижение. Бойцы одиночками и целыми толпами бродят в тылу, не находя себе места.

Требую от командиров всех степеней:

- 1) Немедленно прекратить и исправить все отмеченные недочеты.
 - 2) Проявить максимум настойчивости, упорства, решительности и сметки при атаке противника для его уничтожения, используя для этого огонь и движение.
 - 3) Правдиво и своевременно доносить об обстановке в вышестоящие штабы.
 - 4) Навести самый жесткий и строгий порядок в тылу, который не давал бы места паникерам и дезертирам.
 - 5) О принятых мерах донести к 10.7.41 г.
- Командующий 20-й армией генерал-лейтенант Курочкин
Член Военного совета корпусной комиссар Семеновский
Начальник штаба генерал-майор Корнеев.

В связи с переподчинением войск командующий 20-й армией генерал Курочкин вечером уточнил задачу своим соединениям.

Документы

ПРИКАЗ ВОЙСКАМ 20 АРМИИ №16 ШТАРМ 20 ЛЕС 3 км СЕВ. ОРША 23:00 7 июля 1941 г.

1. Армия, заканчивая сосредоточение и закрепляясь на рубеже Гнездиловичи 30 км ю.-в. Витебск, Богушевское, ст. Стайки, Мошково, Орша, (иск.) Шклов, своими подвижными корпусами наносит успешный контрудар противнику в общем направлении Лепель.

2. Справа по р. Зап. Двина обороняются части 22-й армии. Граница с ней – (иск.) Велиж, Витебск, Лепель. Слева по р. Днепр обороняются части 13-й армии. Граница с ней (все включительно для 13-й армии): Починок, Шклов, Червень.

3. 5-й и 7-й механизированные корпуса продолжают выполнять поставленные ранее задачи. 1-й мотострелковой дивизии удерживать занимаемый рубеж, не допуская прорыва танков в направлении Орша.

4. 69-му стрелковому корпусу (153, 229, 233-я стрелковые дивизии), продолжая укреплять занятый рубеж по р. Лучеса, ст. Стайки, занять оборонительный район Гнездиловичи, Липно, Тепляки, Лучи, Богушевское, Запрудье (12 км сев. Орша), Бабиновичи, (иск.) Витебск. Не допустить прорыва противника на Витебск и на Лиозно.

Штакор – Старобылье. Граница слева – Любавичи, Запрудье.

5. ...98, 73, 18-й стрелковым дивизиям, продолжая оборонять занимаемый район (иск.) Запрудье, Мошково, устье р. Ардов, (иск.) Шклов, Аниковичи (20 км вост. Шклов), ст. Хлюстино, не допустить прорыва противника на Оршу, Красное и Копысь, Шепелевка.

6. Резерв армии:

128-я стрелковая дивизия в районе Витебск подготавливает район обороны вокруг Витебск на рубеже Улановичи, ст. Княжища, Павловичи, Васюты, Зыклино. Подготовить контрудар направлениях на Островно и на Бутежи. Штаб – Витебск.

144-я стрелковая дивизия – в районе Любавичи, Озеры, ст. Красное, где подготовить противотанковый район и контрудары в направлениях на Добромысль и на ст. Осиновка. Штаб – Кисели (7 км сев. от Красное).

7. 61-му стрелковому корпусу (53, 172, 110-я стрелковые дивизии) с 7.7 поступить в подчинение 13-й армии. Штаб – Могилев.

8. 137-й стрелковой дивизии до 2:00 8.7 сосредоточиться в районе Волковцы, Сава (15 км с.-в. Горки) и поступить в распоряжение 45-го стрелкового корпуса 13-й армии. Маршрут следования – Орша, Крашино, Волковцы.

9. Для отводимых частей 13-й армии через узел Орша в районы Дубровно, Горки, Красный выделить маршруты: а) Орша, Дубровно, Ляды, Красный; б) Орша, Волковцы, Горки. Продо­вольствие и фураж отводимые части 13-й армии получают в Орша, в голпродскладе и базе УГР – ст. Темный Лес, по заявке командиров частей.

10. Штаб 20 – свх. 8 км с.-в. Красное. Временный пункт управления командарма – лес (3 км. сев. Орша).

Судя по этому документу, штаб 20-й армии вполне владеет обстановкой в своей зоне ответственности, управление соединениями уверенное. Ничего, казалось бы, не предвещает катастрофы. Хотя командующий армией и его штаб не могли не знать, что практически во всех имеющихся на участке обороны армии дивизиях личного состава и вооружения на тот момент далеко не по штату, их командиры имеют под рукой по несколько батальонов пехоты и батарей артиллерии, остальные части ещё в пути и часто связи с ними нет.

Крайне мало знали в штабе армии и о противнике, что не давало возможности правильно оценить обстановку и принимать соответствующие решения. На тот момент только в первом эшелоне группы армий «Центр» двигались на восток 28 дивизий (9 танковых, 6 моторизованных, 12 пехотных, одна кавалерийская) и моторизованный полк «Великая Германия», насчитывавшие 1040 танков, 1784 орудия калибра 75 мм и крупнее, 1858 противотанковых орудий, свыше 3-х тысяч минометов. С воздуха наземную группировку поддерживал 2-й воздушный флот, который заметно усилил разведку и налеты своей бомбардировочной авиации на железнодорожные узлы и аэродромы базирования частей Военно-воздушных сил Западного фронта.

Переданный в состав 13-й армии 61-й стрелковый корпус генерала Бакунина (53-я, 110-я и 172-я стрелковые дивизии) занял оборону в полосе Копысь, Могилев, Дашковка. 45-й стрелковый корпус, так же перешедший в подчинение 13-й армии, получил приказ занять обороны от Дашковки до Нового Быхова. Но к этому времени оборону на 50-км рубеже Боровка, Гадилевичи успели занять только части 187-й стрелковой дивизии и переданный в её состав один

полк 148-й стрелковой дивизии. Другие дивизии, включенные в состав 45-го корпуса, еще находились в пути к месту назначения: пять эшелонов 148-й стрелковой дивизии 6—7 июля выгрузились на станции Реста и шли походными колоннами на рубеж Гребенево, Быхов; эшелоны 132-й стрелковой дивизии (командир – генерал-майор С. С. Бирюзов) начали прибывать только после 10 июля.

137-я стрелковая дивизия, основные части которой ещё только прибывали на фронт, сначала попали в подчинение 20-й армии, затем – 13-й. Менялось и подчинение корпусам – сначала в 61-й, через очень короткое время – в 45-й стрелковый. Всё это, в условиях крайне ненадёжной работы связи, не могло не сказаться отрицательно на работе штаба дивизии и настроении её работников.

Днём 8 июля автомашина командующего 13-й армией генерал-лейтенанта П. М. Филатова на пути из Могилёва была атакована немецким самолетом. Командарм был тяжело ранен, и его срочно эвакуировали в Москву. Спасти генерала медикам не удалось. Так, накануне решающих боёв на рубеже Днепра, Западный фронт потерял умелого, опытного и решительного, командующего армией. Эта потеря серьёзно повлияла на дальнейший ход боевых действий 13-й армии.

Вечером 8 июля вступивший в должность новый командующий 13-й армией, генерал-лейтенант Ф. Н. Ремезов, после анализа обстановки уточнил задачи своим войскам:

Документы

БОЕВОЙ ПРИКАЗ №09 ШТАРМ 13 ЛЕС 12 км СЕВ. МОГИЛЕВ 8.7.41 18 ч. 25 м.

Первое. Перед фронтом армии действуют 4-я и 3-я танковые дивизии с одним мотополком. Свои главные усилия направляет на шоссе Березино – Могилев и на Стар. Быхов.

Второе. Справа, в направлении Борисов, действует 20-я армия. Граница с ней – Червень, Шклов, Починок. Слева обороняется 21-я армия. Граница с ней – Хотинем, Нов. Быхов, Стар. Дороги.

Третье. 13-я армия, продолжая сосредоточение своих частей, активными действиями в предполье до р. Березина уничтожает мелкие части противника, готовя основную оборонительную полосу по р. Днепр с предмостными укреплениями Шклов и Могилев.

Четвертое. 61-му стрелковому корпусу (53, 110, 172-я стрелковые дивизии) оборонять рубеж по р. Днепр на фронте Шклов, Могилев, Буйничи, иметь полосу предполья по р. Друть; особое внимание направлениям: Шклов, Головчин; Могилев, Березино. Граница слева – Городище (на р. Березина), Залесье (южн.), Селец, Подбелье, Голузы.

Пятое. 45-му стрелковому корпусу (187-я, 148-я стрелковые дивизии) оборонять рубеж по р. Днепр на фронте (иск.) Селец, Нов. Быхов, имея полосу предполья на линии р. Лахва, Слоневщина.

Шестое. 20-му механизированному корпусу прочно удерживать р. Друть на фронте Красная Слобода, Семукачи, Броды.

Седьмое. 137-й стрелковой дивизии – резерв армии, к утру 10.7 сосредоточиться в районе Бол. Бушково, Сухари, Киркоры, готовить для обороны рубеж р. Реста на фронте Тиньковщина, Сухари, Гладково. Подготовить контратаки в направлениях: 1. Залесье, Маковни, Заходы, Шклов; 2. Сухари, Могилев; 3. Сухари, Гладково, Латышская Роща.

Командир 45-го стрелкового корпуса комдив Магон в соответствии с полученным приказом штаба армии поставил задачу подчиненным дивизиям: 148-й – в ночь на 10 июля занять оборону на фронте (иск) Селец, (иск) Баркалабово, сменив подразделения 514-го и 292-го стрелковых полков; 187-й – Баркалабово, Новый Быхов, не допуская противника к переправам через Днепр и имея до двух батальонов в резерве в направлении Старого и Нового Быхова.

Но организовать устойчивую оборону по берегу Днепра командир корпуса из-за недостатка сил не смог. 148-я дивизия, полковника Черокманова, которой прибыло только 8 эшелонов, заняла очаговую оборону на рубеже Дубинка, Барсуки, Запруды, Медведовка. Полки 187-й стрелковой дивизии весь день вели бои на западном берегу Днепра, выбив противника из Дашковки и заняв станцию Барсуки. Но, увлекшись наступательными действиями, командиры частей и штаб 45-го стрелкового корпуса не сразу заметили, что в ночь на 10 июля разведотряд противника переправился через Днепр в районе Седич, уничтожил выставленное охранение и захватил небольшой плацдарм, на который было переправлено несколько танков. Подоспевшие немецкие сапёры начали наводить переправы, к которым стали подходить части 10-й моторизованной и 4-й танковой дивизий, ещё на марше готовясь к переходу через Днепр.

К исходу 9 июля обстановка на всём Западном фронте резко ухудшилась. Соединения группы армий «Центр» захватили часть Витебска, вышли на подступы к Полоцку, Орше, Могилёву, Быхову, Рогачёву и Жлобину. В нескольких местах была прорвана оборона 22-й армии, подвижные части противника вклинились в стык между этой и 20-й армией. В районы боёв спешили передовые отряды армейских корпусов 2-й и 9-й полевых армий вермахта.

Генерал-лейтенант Ремезов докладывал 9 июля в штаб фронта:

Документы

Командующему Западным фронтом
Маршалу Советского Союза С. К. Тимошенко

Доношу, что сего числа вступил в командование 13-й армией. В состав армии на 9.7.41 г. входят управления: 61-го стрелкового корпуса с двумя артиллерийскими полками и саперным батальоном, 45-го стрелкового корпуса с батальоном связи и саперным батальоном.

В состав корпусов входят шесть стрелковых дивизий: 53-я стрелковая дивизия в составе двух стрелковых полков и гаубичного артполка... 110-я стрелковая дивизия в составе трех стрелковых батальонов... 172-я стрелковая дивизия в полном составе...

187-я стрелковая дивизия в составе двух стрелковых полков и арт. полка в районе ст. Зубры. Приказа о ее подчинении нет, есть только извещение от командующего 20-й армией о ее переподчинении и доклад об этом делегата связи от 137-й стрелковой дивизии.

Управление 13-й армии укомплектовано начсоставом только на 30%, не хватает следующих основных работников: оперативный отдел – 6 человек, шифр. отделение – 10 человек, разведотдел – 7 человек, отдел ВОСО – 14 человек, отдел тыла – 24 человека, отдел укомплектования – 10 человек, топоотделение – 4 человека, АХО – 6 человек, отдел кадров – 8 человек, инженерный отдел – 3 человека, хим. отдел – 3 человека, ПВО – 3 человека, отдел связи – 9 человек, ОС – 6 человек, АБТВ – 10 человек, арт. отдел – 20 человек, интендантский отдел – 27 человек, сан. отдел – 14 человек, вет. отдел – 5 человек, фин. отдел – 7 человек. Батальон связи не сформирован. В большом некомплекте легковые и грузовые автомашины. В армии совершенно нет авиации, как для боя, так и для связи...

Перечисляя некомплект личного состава управления 13-й армии генерал-лейтенант Ремезов давал понять командующему фронтом, что у него нет возможности надёжно управлять войсками. Да и войск явно недостаточно: в двух дивизиях – 53-й и 110-й на тот день личного состава имелось всего около 9 тысяч человек.

Крайне плохо в тот период работала разведка всех уровней – от дивизионной до фронтовой. Да и получаемые из различных источников разведывательные данные штабами всех степеней глубоко не анализировались, что приводило к просчётам в определении намерений боевых действий войск противника.

Так, в разведсводке штаба Западного фронта отмечалось: «Противник в течение 9.7 и ночи 10.7 продолжал сосредоточение крупных сил 24-го армейского корпуса (моториз.)

в составе 3-й, 4-й танковых дивизий, моторизованной дивизии и 265-й пехотной дивизии на западном берегу р. Днепр в районе Вишин (15 км с.-в. Рогачев), Рогачев, Жлобин, Проскурин и к исходу 9.7 и ночи на 10.7, ведя артиллерийский огонь по расположению наших частей, подготавливал переправы на участке Збарово, Задрутье, Жлобин, Проскурин...

Вывод: основное усиление действий противника отмечается на лепельско-витебском направлении и сосредоточение крупной группировки на бобруйском, где в ближайшее время возможно форсирование р. Днепр...».

А в это время главные силы 24-го моторизованного корпуса 2-й танковой группы Г. Гудериана незаметно передислоцировались в район Быхова и 10 июля нанесли неожиданный удар по левому флангу 13-й армии.

Из-за незнания обстановки командование Западного фронта своевременно не сосредоточило на участке форсирования Днепра противником дополнительные силы. Не была и заранее поставлена задача войскам на срыв переправы. Не было у Западного фронта и сильных механизированных соединений, которые можно было бы использовать в качестве подвижных резервов.

Всё же в штабе 13-й армии ждали попытки прорыва немецких войск через Днепр, но не там, где это произошло, и не такими силами, как предполагали. Генерал армии Иванов впоследствии вспоминал: «Учитывая активность вражеской авиации 9 июля в районах Шклова и Старого Быхова, а также попытки наземных войск форсировать Днепр, мы предвидели возможность ударов противника на этих направлениях, но не столь крупными силами, как это оказалось в действительности... Появление 24-го корпуса на левом фланге стало для нас полной неожиданностью... Не смог помочь нам своей информацией и штаб фронта».

Генерал-полковник Гейнц Гудериан, командующий 2-й танковой группы: «10 и 11 июля при незначительных потерях было проведено планомерное форсирование Днепра. 10 июля в середине дня из 24 танкового корпуса поступило сообщение, что корпусу удалось форсировать Днепр у старого Быхова (Быхов). Во второй половине дня я направился ещё раз в 47-й танковый корпус, чтобы убедиться в боеспособности войск и осмотреть район исходного положения.

...Я уверенно шел навстречу событиям грядущего дня.

Для наступления после форсирования Днепра были поставлены следующие задачи: 24-й танковый корпус наступает по шоссе Пропойск (Славгород), Рославль. Корпус сам обеспечивает свой правый фланг от возможных атак противника со стороны Жлобина, Рогачёва и свой левый фланг со стороны Могилёва».

В 5 часов утра 10 июля передовые части 10-й моторизованной и 4-й танковой дивизий противника в районе Баркалабово начали форсировать Днепр, прорвали оборону слабых подразделений 187-й стрелковой дивизии и закрепились на восточном берегу. К 14 часам того же дня немцы занимали здесь плацдарм площадью 7 км по фронту и около 10 км в глубину. Без промедления моторизованные подразделения противника начали выдвигаться в южном и северо-восточном направлениях. Около 15 часов мотопехота немцев форсировала Днепр и южнее Старого Быхова. Сапёры приступили к наводке переправ, по которым на восточный берег хлынул поток войск. В этот же район для развития успеха из-под Рогачёва перебрасывались и части 3-й танковой дивизии и передовые части пехоты 53-го армейского корпуса 2-й полевой армии.

Попытки немногочисленных частей 187-й стрелковой дивизии задержать прорвавшегося на плацдарм противника успеха не имели. Надо было немедленно принимать решительные меры по ликвидации немцев на Днепре, не только на уровне 13-й армии, но и фронта.

Вечером 10 июля штаб Западного фронта докладывал в Москву:

Документы

ОПЕРАТИВНАЯ СВОДКА №31 к 20:00 10.7.41 ШТАБ ЗАПАДНОГО ФРОНТА
(в части Могилевского направления)

...Четвертое. Части 13-й армии в течение ночи и дня 10.7 продолжали укреплять восточный берег р. Днепр и предмостные укрепления, одновременно производили частичную перегруппировку и смену частей.

В 10:30 10.7 после артиллерийской и авиационной подготовки противник перешел в наступление и форсировал р. Днепр в районах ст. Барсуки и Баркалабово, бомбардируя восточный берег р. Днепр на участке Буйничи, Ст. Быхов.

61-й стрелковый корпус в прежнем составе отразил атаку противника силою до двух батальонов пехоты в направлении Шклов, противник отброшен в исходное положение.

45-й стрелковый корпус в прежнем составе вел бои с переправившимися частями противника в районе Барсуки, Баркалабово. В 13:30 танки противника замечены на шоссе Могилев – Нв. Быхов, а мелкие группы пехоты в районе Лыково.

20-й механизированный корпус – перед фронтом корпуса противник в течение ночи вел усиленную разведку, небольшими группами форсировал р. Друть, просочился в район Куты, Уголья, Ханово, нарушив пути подвоза мехкорпуса. Корпус удерживал прежний рубеж, сведений за день боя не поступило.

Авиацией противника жел.-дор. сообщение Могилев – Чаусы прервано.

Пятое. 21-я армия в течение дня 10.7 обороняется по восточному берегу р. Днепр на фронте (иск.) Нв. Быхов, Лоев. По данным авиаразведки и наблюдения наземных войск, противник начиная с 9.7 производит перегруппировку мотомеханизированных войск в направлении Могилев. Установлено движение мотоколонн по шоссе Ст. Дороги, Бобруйск, Могилев и из района Поболово на Нв. Городок.

Перед фронтом армии противник активных действий не проводил. В течение дня велись разведпоиски мелкими мотоциклетными группами.

...Седьмое. 4-я армия продолжает укомплектование и переформирование частей... Части армии продолжают перегруппировку и укомплектование в районах: 28-й стрелковый корпус: 143-я стрелковая дивизия – Чаусы, 42-я стрелковая дивизия – Пропойск, 55-я стрелковая дивизия – ст. Каменка, 6-я стрелковая дивизия – Краснополье.

Штаб 28-го стрелкового корпуса – Пропойск.

Генерал-полковник Гейнц Гудериан: «11 июля ранним солнечным утром в 6:10 в сопровождение обоих моих гостей я выехал со своего командного пункта, располагавшегося в Толочин, который ещё в 1812 году служил штаб-квартирой Наполеону и направился

на Днепр к Копысь, чтобы присутствовать при форсировании реки 47-м танковым корпусом. Поездка через колонны войск, которые стремились к реке, из-за сильной пыли было тяжёлой. Люди, оружие и моторы все страдали от этой пыли, стоявший в воздухе неделями. Особенно часто приходилось чистить наждаком цилиндры моторов, из-за чего их мощность значительно понижалась».

В связи с усложнившейся обстановкой командующий Западным фронтом приказал 13-й армии уничтожить части противника, прорвавшиеся на восточный берег Днепра, занять и прочно оборонять его рубеж.

Генерал Ремезов, получивший этот приказ, принял решение утром 12 июля частями 45-го и 61-го стрелковых корпусов нанести удар в направлении Сидоровичи, Баркалабово и сбросить противника с захваченного плацдарма. Штабом армии был разработан детальный план удара: 507-й полк 148-й стрелковой дивизии получил задачу удерживать рубеж Селище, Стайки; 292-й стрелковый полк 187-й дивизии, усиленный артиллерией, получил задачу наступать из района Старой Малеевки на Сидоровичи, взаимодействуя с отрядом 744-го стрелкового полка из 172-й дивизии.

Сводный отряд 744-го стрелкового полка под общим командованием майора Г. И. Злаутовского получил задачу наступать из района Слободка вдоль шоссе на юг и, уничтожив противостоящего противника, выйти на реку Полка, развивая дальнейшее наступление на Следюки. Одновременно усиленный батальон 160-й стрелковой дивизии (командир – генерал-майор И. М. Скугарев) получил задачу овладеть селом Прибережье; батальон 496-го стрелкового полка (148-я сд) – Перекладовичами и наступать на Следюки, взаимодействуя с частями 187-й стрелковой дивизии.

137-я стрелковая дивизия должна была сняться со своих позиций у Орши, маршем выйти в район села Сухари, восточнее Могилева, и занять оборону по реке Реста.

К этому времени на фронт прибыли не все части дивизии. Из-под Орши в Сухари шёл только 771-й полк, 624-й стрелковый и оба артиллерийских полка спешили в назначенный пункт с мест выгрузки на перегоне Горки – Орша, а эшелоны 409-го полка ещё только подходили к Кричеву.

Командиры штаба дивизии все прибывавшие части направляли в Сухари. Батальонам предстояло пройти пешком 60—70 километров. Лейтенант Скворцов, командир взвода связи 771-го стрелкового полка, писал в дневнике об этом переходе: «Страшная жара, пыль, самолёты. Несмотря на двухдневную бессонницу, бойцы чувствуют себя бодро. Эх, и русский солдат!».

Шапошников А. В.:

– Во время этого перехода был один неприятный случай... Шли колонной, растянулись, над нами кружатся немецкие самолёты, но не бомбят. Было такое ощущение, что ждут, когда мы всем полком встанем на привал, компактно. По плану марша мы должны были в назначенное время остановиться на отдых в одном селе, я предложил командиру полка Малинову встать не в селе, а в лесу перед ним. Так и сделали. С удивлением смотрели, как в назначенное для дневки полка время немецкие бомбардировщики бомбят место нашего запланированного расположения. Как они узнали, что мы должны были именно в это время быть здесь...

К концу дня колонны авангардного 771-го полка начали втягиваться в село Сухари. На улицы выбегали жители, выносили молоко и хлеб. Но не успели части расположиться на привал, как налетели «Юнкерсы», поливая село огнём из пулемётов. Машины, повозки, упряжки с орудиями – все стали разъезжаться по сторонам, бойцы укрывались за стволами деревьев. Загорелись хаты. Застонали первые раненые. Но этот налёт вражеских самолётов

не остался безнаказанным: дружным огнем полковой зенитной батареи лейтенанта Христенко один «Юнкерс» был подожжён и упал на землю...

Похлебаев Г. Г., командир батареи 76 мм орудий 771-го полка:

– Мы подбежали к упавшей машине, вытащили лётчика, и удивлению нашему не было предела: это была женщина! Да такая нахалка – кусается, царапается, ругается...

Иванов Е. В., политрук батареи 45 мм орудий 771-го полка:

– После налёта, разговаривая с бойцами, я хотел уяснить для себя: каким было их состояние, когда на них пикировали вражеские самолеты. Наводчик орудия сержант Пётр Печёнкин ответил мне так: «Как только услышал команду „Воздух!“, сразу соскочил с машины и – в рожь. Пулеметная очередь ударила буквально в нескольких метрах от меня. Признаться, в первое мгновение было страшно. Но потом повернулся на спину и стал вместе со всеми стрелять по самолету. Хорошо было видно даже лицо лётчика. Когда стрелял – страх совсем прошел. А, в общем-то, ничего особенного и не произошло»...

Жить сержанту Петру Печёнкину оставалось меньше трех суток...

Документы

(в части Могилевского направления)

ОПЕРАТИВНАЯ СВОДКА №33 к 20:00 11.7.41 г. ШТАБ ЗАПАДНОГО ФРОНТА

...Пятое. 13-я армия. Днем 11.7 части армии удерживали рубеж р. Днепр на участке Шклов, Нв. Быхов и вели бои с прорвавшимися частями противника в районе ст. Барсуки, Баркалабово, продолжая сосредоточивать подходящие части.

61-й стрелковый корпус удерживает рубеж Шклов, Могилев, Буйничи, ведя усиленную разведку севернее Шклов, где противник силой до двух батальонов перешел в наступление с утра 11.7 и мелкими группами пехоты и отдельными танками форсировал р. Днепр.

53-я стрелковая дивизия удерживает рубеж Шклов, Плешицы, ведя усиленную разведку севернее Шклов. В 14.00 2 км сев. Плешицы противник силой до 2 батальонов с танками форсировал р. Днепр. Контратакой частей 61-го стрелкового корпуса отброшен к реке, понес большие потери, подбито 15 танков противника.

110-я стрелковая дивизия – на оборонительном рубеже Плешицы, Шапочицы.

172-я стрелковая дивизия обороняет могилевское предмостное укрепление и укрепляет оборонительную полосу по восточному берегу р. Днепр на участке Шапочицы, Буйничи. Шкловский мост взорван.

45-й стрелковый корпус. В течение дня 11.7 части корпуса вели бои с переправившимися частями противника в районе Барсуки, Баркалабово. Противник удерживает район Сидоровичи, Следюки, лес южнее и сосредоточивает резервы в районе Баркалабово.

148-я стрелковая дивизия продолжает сосредоточение, одновременно ведет бой с переправившимся противником.

187-я стрелковая дивизия в течение дня вела бои с переправившимися частями противника.

137-я стрелковая дивизия, совершив марш, 10.7 сосредоточилась в районе Сухари, Приданцы.

Штакор 45 – лес с.-з. Червонный Осовец.

20-й механизированный корпус днем 11.7 выводился из боя для отвода его за линию фронта на переформирование.

Штарм 13 – в районе Чаусы.

...Седьмое. 4-я армия. Части армии закончили перегруппировку в районах укомплектования и продолжают укрепление оборонительных рубежей в своих районах.

Днем 10.7 район Чаусы, Пропойск, Кричев бомбардировался авиацией противника, в результате чего в 42-й стрелковой дивизии убито 25 и ранено 4 человека.

Как видно из документа, обстановка на этом участке фронта особенного беспокойства у командования Западного фронта не вызывала.

Из Журнала боевых действий 24-го моторизованного корпуса вермахта:

11.07.41

Несмотря на большие трудности, мосты через Днепр готовы к утру 11.07 в 06:45 у 4-й тд, в 08:00 у 10-й мд.

У 4-й тд строительство велось при обстреле со стороны противника, у 10-й мд слишком тяжёлая машина с зенитной установкой повредила мост.

В лесу восточнее Днепра 4-й тд и 10-й мд приходится ещё напряжённо воевать. У 10-й мд 41-й пп в течение некоторого времени в окружении, т.к. противник атакует с севера и с востока, но всё же выходит победителем из этой ситуации. Однако отдельные части противника всё снова появляются в тылу своих войск. Ввиду того, что тяжёлое оружие из-за задержек со строительством моста ещё не подведено, продвижение вперёд складывается очень трудно.

В течение всего дня русские самолёты подвергают построенные мосты бомбовым ударам, не причинив им, однако, вреда. Боеприпасы 4-й тд и 10-й мд сбрасываются с самолётов.

К вечеру ситуация развилась следующим образом: 4-я тд прошла 12-м мпп через Ветренка [13 км восточнее Быхова], 33-м мп через Russikovitschi. 34-й мотоциклетный батальон держит оборону на юг у переправы через Ухлясть. У 10-й мд против сильных контратак противника восточнее Сидоровичи [25 км южнее Могилёва] на восточном берегу Днепра 4 батальона. 40-й мотоциклетный батальон ещё на западном берегу Днепра в бою между Днепром и дорогой Бобруйск – Могилёв.

Намерение корпуса на 12.07.: Взять дорогу Могилёв – Пропойск [60 км юго-восточнее Могилёва], противника на северном фланге уничтожить и захватить переправу через Днепр у Могилёва.

К этому намерению приводит то мнение, что для дальнейшего продвижения корпуса на восток абсолютно необходимо овладеть дорогой Могилёв – Пропойск. Поскольку проведение 3-й тд и 1-й кд вслед за 4-й тд из-за состояния мостов у Старый Быхов и состояния дорог восточнее Днепра плохое, нужно овладеть мостом у Могилёв.

Задачи на 12.07.: 4-я тд продолжает наступление до дороги Пропойск – Могилёв. 10-я мд увеличивает свой плацдарм наступлением в общем северо-восточном направлении. Позже наступление вдоль большой дороги на Могилёв и восточнее от неё.

12.07.41

Наступление 4-й тд для овладения дорогой Пропойск – Могилёв вначале развивается хорошо. Однако у Sontoki и Beliza появляется довольно сильный противник, который побеждается 33-м мп. Во второй половине дня дорога между Черенки [40 км юго-восточнее Могилёв] и Beliza прочно захвачена. Идущий позади 33-го мп 35-й тп в районе Давыдовичи [10 км западнее Черенки] подвергается атаке с севера, вследствие чего отходит на север к Бутромеевка [5 км северо-западнее Давыдовичи] и Рыжковка [2 км северо-западнее Бутромеевка], остаётся пока там и держит оборону на север. 12-й мп доходит до Красницы [7 км юго-западнее Давыдовичи] и держит оборону в районе Дабужа [23 км западнее Быхова] на юг.

16:00. Генерал-полковник Гудериан на КП корпуса. Приказ корпусу: уничтожить противника юго-восточнее Могилёв. Могилёв взять с востока. Дальнейшее продвижение через Пропойск и Шумячи.

Итак, уже к вечеру 10 июля 24-й моторизованный корпус противника захватил за Днепром плацдарм до 20 километров по фронту и до 10 в глубину. На Чаусы и Пропойск устремились разведотряды гудериановских дивизий. Весь день 11 июля на плацдарме накапливались танки и мотопехота противника.

45-й стрелковый корпус комдива Магона, который перешел из 21-й армии в 13-ю был в составе двух дивизий. 187-я дивизия корпуса, растянутая почти на 70 км, уже сражалась, а 148-я полковника Черокманова имела всего два батальона, да и те ещё только подходили к фронту. В этот же день 11 июля на станцию Чаусы прибыло управление 20-го стрелкового корпуса генерал-майора С. И. Ерёмин. До войны в корпус входили горьковские 137-я и 160-я и владимирская 144-я стрелковые дивизии. Но 144-я по пути попала на другой участок фронта, другие две его дивизии, растянувшиеся по железным дорогам на сотни километров, не представляли собой боевых единиц. Штабу корпуса вникать в обстановку на фронте пришлось буквально с колёс и в нескольких километрах от противника.

12 июля на станцию Чаусы начали прибывать эшелоны с частями полтавской 132-й стрелковой дивизии генерал-майора Бирюзова. Эшелон с командиром дивизии при выгрузке был атакован передовым отрядом 10-й мотодивизии гитлеровцев. 132-я дивизия к началу решающих боев по защите рубежа Днепра также не успела полностью сосредоточиться. Командир 132-й дивизии генерал С. С. Бирюзов написал в своих мемуарах, как в район боев «...прибыл командир 20-го стрелкового корпуса С. И. Ерёмин и пригласил меня на свой командный пункт, который был всего-навсего хорошо утоптанной площадкой на лесной опушке. Здесь под кустом натянули полевую палатку, поставили два или три телефонных аппарата. Вот и все.

Одновременно со мной сюда прибыли командир 137-й стрелковой дивизии полковник И. Т. Гришин и командир другой, кажется 160-й стрелковой дивизии. Мы коротко доложили о состоянии наших войск, надеясь получить от своего непосредственного начальника исчерпывающую информацию о сложившейся обстановке и указания о дальнейших действиях. Но, к нашему глубокому огорчению, генерал Ерёмин сам не имел точного представления об обстановке на фронте 13-й армии...»

Управление 20-го корпуса было сформировано в Горьком в начале 1941-го года. До войны в его штабе ещё не проводилось ни штабных, ни корпусных учений. Штаб не был сколочен, как это требовалось, многие его работники плохо знали друг друга. В Горьком корпус имел большие силы, но из-за срыва сосредоточения соединений эффективно применить их в Белоруссии не удалось.

Полковник Гришин в те дни оказался в сложной ситуации: его дивизия получила приказ перейти в подчинение 45-го корпуса, но на фронт прибыл командир 20-го корпуса, его непосредственный начальник в мирное время. Чьи приказы выполнять?

Штаб 13-й армии в неимоверно тяжелых условиях, делая всё, что было в его крайне ограниченных возможностях, предпринимал необходимые меры по ликвидации Быховского плацдарма гитлеровцев. Сюда стягивались все возможные силы, к месту прорыва врага прямо с выгрузки срочно направлялись прибывающие войска. Решающая атака наших войск была назначена на утро 12 июля. Но принять в ней участие смогли всего пять батальонов различных дивизий. Удар наносился хотя и одновременно, но разрозненно и на широком фронте. Успеха он не имел. Части 132-й, 137-й, 148-й и 160-й стрелковых дивизий выйти в этот день на рубеж развертывания и сблизиться с противником не успели.

Приказ из штаба армии на выступление из Сухарей полковник Гришин получил только вечером 11 июля. Приказ был дан в категорической форме: «Сбросить противника в Днепр». Немедленно части дивизии были подняты по тревоге и маршем направлены на рубеж Дубровка – Волковичи – Усушек. Предстояло быстро пройти свыше 30 километров. В Сухарях было оставлено все лишнее имущество и снаряжение, даже шинели и вещмешки. На марше пехота то и дело переходила на бег. Ездовые погоняли упряжки лошадей с орудиями: надо было спешить.

По приказу штаба 13-й армии части 137-й стрелковой дивизии были развернуты фронтом на юг и к 16 часам 12 июля вместе с 498-м полком 132-й стрелковой дивизии заняли рубеж Липец, Кутя, Александров, Усушек, имея задачу к исходу дня выйти на рубеж Колония, Гру-

диновка, Красница и соединиться с частями, находившимися на рубеже Слободка, Сидоровичи, Перекладовичи.

Через несколько часов после начала марша полковник Гришин установил связь с командиром 45-го стрелкового корпуса комдивом Магоном, которому было поручено координировать контрудар наших войск на Быховском направлении. Полковник Гришин доложил командиру корпуса, что у него в дивизии под рукой пока лишь пять батальонов пехоты и два артдивизиона. До начала боев оставались считанные часы, а дивизию так и не удалось собрать в кулак.

«Не вина комдивов, – писал в своих воспоминаниях командир 132-й стрелковой дивизии генерал Бирюзов, – что терялись эшелоны. Командование дивизии не несло никакой ответственности за движение эшелонов по железным дорогам. Комдивы знали только серию своих эшелонов, но куда они направляются, где находятся в данный момент – ни я, ни штаб понятия не имели».

Дивизия генерала Бирюзова по ошибке железнодорожников прибыла совсем не на тот участок фронта, где ей надлежало быть по плану Генеральному штаба.

Точно также 3-й батальон 624-го полка попал в другую часть и воевал, не имея связи со своей дивизией. Два батальона 409-го полка, выгрузившиеся на перегоне Кричев – Орша, только подходили к Сухарям, причём один батальон имел связь со штабом полка, а другой действовал самостоятельно. Часть батарей артполков была подчинена командирам других дивизий. Батальон капитана Кима 409-го полка, выгрузившись в Кричеве, сначала вёл бои самостоятельно, а потом влился в 7-ю авиадесантную бригаду. Сапёрный батальон дивизии еще до войны был взят на учебные сборы в Малоярославец и в дивизию так и не прибыл. Отдельный зенитно-артиллерийский дивизион дивизии при разгрузке попал под бомбежку немецкой авиации и понёс такие потери, что как боевая единица перестал существовать. Медсанбат вообще добрался только до Рославля, там попал в другую армию, и штабу 137-й впоследствии пришлось формировать новый.

Причина всех этих неурядиц – нарушение чёткой работы железных дорог. Из-за налетов вражеской авиации и диверсантов срывались графики воинских перевозок, что и вело к неразберихе и перемешиванию частей.

Из воспоминаний командира 497-го ГАП майора Малых: «...Мы прибыли на станцию Кричев и по распоряжению коменданта приступили к выгрузке, а потом перевели дивизионы в лес. На другой день попытался через коменданта связаться со штабом округа в Смоленске, но ничего вразумительного не добился: „Выясним, а пока сидите и ждите“. Через несколько суток удалось установить связь со штабом округа и получить распоряжение своим ходом двигаться в Оршу. Горючего у нас не было, комендант на свой страх и риск дал нам два эшелона пустых платформ. До Орши дивизионы не дошли, выгружались на станции Зубры. В лесу встретил командира 278-го ЛАП полковника Смолина, он тоже не знал, где штаб дивизии. Будучи несколько суток в таком незнании, мы отходили к Кричеву. Появились первые жертвы от бомбежек. Наконец, мы встретились с командиром дивизии полковником Гришиным, но в каком месте, не помню...»

Брыкин В. А., кандидат исторических наук:

– На фронт 497-й полк перебрасывался по маршруту Муром – Москва – Наро-Фоминск – Сухиничи – Унеча – Кричев. Несколько бомбёжек в районе станции Кричев не причинили вреда полку, самолёты были отогнаны дружным ружейно-пулемётным огнём.

497-й гаубичный артиллерийский полк прибыл на станцию Кричев и расположился в лесном массиве поблизости. Здесь была организована учёба личного состава, решался вопрос продовольственного снабжения. А вот наладить снабжение полка горючим не удалось. На все запросы командования полка ответ был: «Горючего нет!»

Через восемь дней 497-й полк получил приказ двигаться на Оришу, но, так как горючего не было, комендант станции на свой страх и риск подал под погрузку 497-го два эшелона открытых платформ. Погрузив боевое и хозяйственное имущество и личный состав, полк ушёл в сторону Ориши. Через 20 минут после отправки полка место его стоянки упорно и настойчиво бомбила авиация противника, но это было уже пустое место.

До Ориши полк не дошёл. Эшелоны выгрузились на станции Зубры и на остатке горючего, по жаре, под постоянными бомбёжками авиации противника пошли в сторону Ориши. В лесу под Оришей встретились с другими частями 137-й стрелковой дивизии, со штабом и командиром дивизии Гришиным.

Афанасьев М. С., 497-й ГАП, старший сержант:

– К фронту двигались и днём, и ночью, объезжая Москву. Наш эшелон не подвергался налёту немецких бомбардировщиков, но чем ближе к фронту двигались, тем чаще попадались разбитые станции. Встречались поезда с беженцами, особенно с еврейским населением из Белоруссии, а также санитарные поезда с ранеными бойцами.

Полк разгружался где-то за Кричевом, на полустанке. Погода была дождливая, и видимость очень плохая. На каждом эшелоне были сделаны площадки для пулемётов – отражать воздушные налёты противника. Вот все три эшелона собрались на этом полустанке для разгрузки. И вдруг, откуда ни возьмись, появились два самолёта и стали кружить над составами. Не видно из-за дождя. Началась такая трескотня из пулемётов, что самолётам пришлось улететь. Позже выяснилось, что самолёты были наши. На войне всё бывает...

Разгрузились – и стали двигаться к фронту. Ночью идём, а днём отдыхаем в лесу. Но, несмотря на такую осторожность, всё время нас сопровождали до самой передовой немецкие ракетчики, заброшенные в наши тылы. Указывали наш путь следования к фронту. Как только стемнеет, полк начинает двигаться. А километрах в двух – трёх в стороне от нас уже взлетают их ракеты.

После 10 июля в полосу 13-й армии из-за Днепра вышли остатки 6-й, 8-й стрелковых, 1-й мотострелковой и 2-й танковой дивизий, но это не внесло в ее оборону заметного усиления. Эти малочисленные соединения были до предела измотаны предыдущими боями...

«Моральный дух в дивизии был здоровый...»

Канцедал П. Н., комиссар 137-й стрелковой дивизии, полковник в отставке:

– Нелегко было сохранить боевой дух частей дивизии, когда на марше к фронту навстречу идут и идут группы измученных окруженцев, и только и слышно: «Танки! Десанты! Немец прёт!». Вся политработа в эти дни была направлена на укрепление стойкости и морального духа солдат. Политработники были постоянно с бойцами. В дивизии была большая прослойка коммунистов и комсомольцев, опытные политработники, да и сами наши солдаты были уверены в себе, у всех было такое чувство, что уж мы-то немцев остановим. Все-таки дивизия была кадровая, а не наспех сформированная, уже имела традиции. Народ буквально рвался в бой. Вспоминаю прекрасных комиссаров полков Васильчикова, Макаревича, Иванова, Михеева, Артюхина. Это были люди большевистской закалки, которые цементировали вокруг себя личный состав. Конечно, всем было тяжело в эти дни – сводки с фронта невесёлые. Но после речи Сталина от 3 июля, которая как бы все расставила по своим местам, стало легче. Сводки Информбюро и газеты бойцы получали по возможности вовремя. А нет газет – есть слово комиссара, который всегда приободрит и все объяснит. Даже в эти дни сразу после прибытия на фронт, особенно перед первым боем, было много заявлений о приеме в партию. Моральный дух в дивизии был здоровый. Этим в немалой степени объясняется её стойкость в первых боях...

12 июля рано утром командир 45-го стрелкового корпуса комдив Э. Я. Магон сообщил в штаб армии, что намеченный на 4:00 контрудар на немецкий плацдарм в районе Старого Быхова придется отложить до 7:00 из-за проблем с подвозом боеприпасов. Новый командарм-13 генерал – лейтенант Ф. Н. Ремезов решил лично разобраться в обстановке и направился в штаб 45-го корпуса, располагавшийся в тот момент в Червонном Осовце в крайне рискованной ситуации, но в районе деревни, у колхозной фермы деревни Давыдовичи попал в засаду мотоциклистов. Сюда, в район деревень Давыдовичи и Лисичник, уже вышел передовой отряд 4-й танковой дивизии противника. Генерал Ф. Н. Ремезов в схватке был тяжело ранен, но его удалось эвакуировать. Однако в плен попало несколько работников штаба армии.

Потеря командующего армией не могла не сказаться на исходе всей операции. Во временное командование армией вступил комбриг А. В. Петрушевский. А с 14 июля в командование 13-й армией вступил генерал Герасименко, третий командующий за неделю. Но и ему суждено было возглавлять армию чуть более недели.

Кавалерийский взвод разведки 771-го полка под командованием лейтенанта Шажка установил, что на плацдарме скопилось до 300 танков противника. Все деревни по восточному берегу Днепра, по данным Шажка, забиты мотопехотой, артиллерией. На плацдарм переправилась и 3-я танковая дивизия, до этого безуспешно атаковавшая Могилёв...

Шапошников А. В., начальник штаба 771-го полка, полковник в отставке:

– На рассвете 13 июля в полк позвонил командир корпуса генерал Ерёмин. Звонил он с КП командира дивизии и спрашивал обстановку. Я доложил, что на плацдарме, по данным разведки, уже около трехсот танков. Когда я ему это сказал, генерал просто не поверил: «Да ты что, откуда у немцев столько танков? Да ты знаешь, сколько танк стоит?». Потом Гришин меня при случае предупредил: «Ты впредь остерегайся докладывать такие данные, а то могут и в преувеличении сил противника обвинить». Но мы тогда не ошиблись: перед нами действительно был целый немецкий корпус...

К рассвету 13 июля батальоны 137-й стрелковой дивизии вышли на исходный рубеж для атаки. Впереди был уже только враг. Ближайшей задачей было захватить деревни Середина Буда, Пустой Осовец, Червонный Осовец, Давыдовичи и освободить из окружения штаб 45-го корпуса, который радировал о срочной помощи.

Справа готовилась к атаке 132-я дивизия. У генерала Бирюзова было только три батальона пехоты и несколько батарей артиллерии. Левее 137-й дивизии выдвигались два батальона 148-й стрелковой дивизии, которая тоже ещё только прибывала на фронт.

До начала нашей атаки гитлеровцы сбросили небольшой десант диверсантов. Основная часть десанта попала в боевые порядки и была расстреляна еще в воздухе. Некоторые укрылись во ржи и в роще и потом немало навредили, нарушая связь...

Шапошников А. В.:

– Один такой диверсант пристроился к моей линии связи и предложил сдаться, а взамен пообещал, если за меня ему дадут премию, поделиться со мной. Бойцы приволокли этого нахала. Отправил я его в штаб дивизии, но конвойные не довели, пристрелили: «А он побежал, товарищ начальник» – так они мне потом объяснили...

Набель Н. А., ветеринарный врач 624-го стрелкового полка:

– Когда привели первого пленного немца, диверсанта, мы сбегались смотреть на него, как на медведя. Здоровый, волосы, как рожь, с виду русский, смотрит нагло. Переводчик пришёл, спрашивает его – молчит. Подумали, может быть, он финн, побежали искать, кто финский знает, а он по-русски, как вдруг крикнет: «Гитлер победит!». Нас такое зло взяло, что кто-то врезал ему хорошенько. Такую наглость, несмотря на наш гуманизм, стерпеть было невозможно...

Вышедшие к вечеру 12 июля на исходный рубеж батальоны сосредоточились в роще между Серединой Будой и Червонным Осовцом. Немного позади встали на позиции дивизионы капитанов Найды и Прошкина из 497-го гаубичного и дивизион капитана Пономарева из 278-го легко-артиллерийского полка. Быстро протянули связь, провели рекогносцировку местности, разведку. Сапёры начали оборудовать командные пункты полков, пилить лес на блиндажи.

«Какой он, немец, наш враг?»

Костриков П. М., разведчик 497-го ГАП, старший сержант:

– Рано утром 13 июля начальник штаба дивизиона поднял нас и поставил задачу: выяснить, где передний край и противник. На востоке чуть алела заря, на западе гулом отдавались раскаты разрывов снарядов. Где-то далеко тарахтели пулеметы, в небе на западе вспыхивали и гасли ракеты. Было в этом что-то романтическое... За опушкой простиралось поле пшеницы, а за ней – деревня. Ничего подозрительного. У нас была стереотруба, долго я всматривался вдаль и, наконец, увидел немца. Он вышел из дома к кустам, раздвинул ветки, вижу – вроде бы танк! Все мои спутники-разведчики стали просить дать им тоже посмотреть: какой он, немец, наш враг? Рассмотрели пушку с прислугой. Из глубины леса к нам поползла наша пехота, кто-то катит пулемет. Вползли в пшеницу, скрылись ней. Наш командир разведвзвода лейтенант Виктор Буряков по телефону доложил в дивизион о целях. Тишина стояла мёртвая. Вдруг в стороне рявкнула наша гаубица, за ней другая. По воздуху с шелестом полетели снаряды. И – взрывы! Красиво было смотреть... Но не долго было чувство романтики: загорелся дома в деревне, по полю пшеницы побежали немцы, зажужжали мины, начала стрелять наша пехота... Скоро запахло смертью, настоящим адом...

Ровно в 5:00 артиллерия дала несколько залпов, и батальоны 137-й стрелковой дивизии поднялись в свою первую атаку.

Из воспоминаний командира 497-го ГАП майора Малых: «...Помню первый бой: наш полк развернулся с задачей поддержать боевые действия полка майора Фроленкова. Противник обнаружил наш НП, расположенный на опушке леса и обстрелял бризантной гранатой. Возникла паника, но её быстро ликвидировали. Открываем огонь по скоплению танков и пехоте, снаряды ложатся точно, видим взрывы в расположении противника, но, несмотря на точность огня, противник атакует боевые порядки полка Фроленкова, танки лезут напролом. Наш ГАП ставит неподвижный заградительный огонь, противотанковый дивизион и полковая артиллерия открывают огонь орудиями прямой наводки, но, тем не менее, отдельные танки противника прорываются в район опорного пункта 152-миллиметровой гаубичной батареи. Та открывает огонь прямой наводкой, прямое попадание в танк, танк переворачивается, но второй танк давит гаубицу. Батарейцы не отступают, разворачивается вторая гаубица и удачным выстрелом уничтожает этот танк. В полку появились убитые и раненые, особенно пострадал дивизион 152-миллиметровых гаубиц...».

Житковский М. Г., командир батареи 497-го ГАП, полковник в отставке:

– Огневые взвода начали занимать позиции для ведения огня с закрытых позиций, но появились танки, их хорошо было видно от орудий, поэтому огонь открыли прямой наводкой. Пехоты не было. Пока мы искали место для НП, объездили немало, но нигде пехоты не встретили. Атаку танков дивизион капитана Найды отразил, хотя и с большими потерями. Осмотревшись, он решил отвести дивизион ближе к деревне, и расставить орудия на более узком фронте, так как без пехоты действовать было рискованно... Перед деревней было несколько брошенных автомашин, решили найти там бензину, а то у нас оставалось мало. Нацедили с водителем ведро, идём к машине, вижу – во ржи, метрах в 50 от нас, стоит молодая красивая женщина, улыбается, и рукой зовёт нас к себе. Рассказали своим, над нами

посмеялись, что не оказали внимания даме. Только тронулись, по нам огонь с того места, где стояла женщина. Попрыгали с машины, двое убитых в кузове. Перебежками подошли к месту, откуда по нам стреляли, бросили по гранате. В окопе за пулеметом лежали трое убитых немцев и эта женщина, она, умирая, что-то говорила по-немецки... Откуда-то по нам опять стали стрелять, пришлось вернуться к машине...

В этом своём первом бою дивизия действовала на участке до восьми километров, но атаковали всего четыре батальона. Гитлеровцы были застигнуты врасплох и не сразу сумели организовать отпор.

Батальон майора Московского 771-го полка наступал на Червонный Осовец через широкое ржаное поле. Первые сотни метров атакующие роты прошли буквально на одном дыхании, уже близка была речка Будлянка перед селом, как с церкви ударил пулемет, а из-за хат, с огородов открыли огонь немецкие пехотинцы и пулемёты из бронетранспортеров...

«Азарт у всех был просто неопиcуемый...»

Иванов Е. В., политрук батареи 45 орудий 771-го полка:

– Впереди вспышки выстрелов, по сторонам то здесь, то там падают убитые и раненые, но энтузиазм и азарт атаки были такими, что на это не обращали внимания. Мы катили свои «сорокапятки» вслед за пехотой, вели беглый огонь с остановок. В первые же минут десять атаки разбили два бронетранспортера и несколько грузовиков. Хорошо было видно, как они горят с чёрным дымом...

Атакующие роты сходу зацепились за окраину села. Горят хаты, треск пулеметов и винтовок, разрывы снарядов сливаются в сплошной гул. Первые увиденные убитые фашисты, а кто-то и сам погибал, едва успев выпустить первую обойму. Батальон капитана Леоненко, наступавший правее батальона Московского, зацепился за высоту с кладбищем у Червоного Осовца. Еще правее атаковал батальон капитана Козлова 624-го полка...

Александров А. А., политрук роты 624-го полка:

– Мне довелось идти в первой цепи четвёртой роты. Атака была дружной, мощной. Немцы сначала растерялись, но потом открыли сильный пулемётный огонь. Мы залегли, но тут же с возгласами «За Родину! За Сталина!» поднялись и ринулись вперед. Добежали до первых домов деревни, немцы отступают, на ходу ведут огонь, потом уже побегали, изредка оглядываясь. Кругом убитые, раненые, горят дома, машины. Перебежав к роцце, немцы залегли там, но мы вышибли их и оттуда. Азарт у всех был просто неопиcуемый...

Похлебаев Г. Г., командир батареи 76-миллиметровых орудий 771-го стрелкового полка, полковник в отставке:

– Атаковала пехота дружно и смело. Моя батарея была придана батальону капитана Козлова. Нам была поставлена задача: освободить из окружения штаб 45-го корпуса. Когда мы вышли к дороге на Давыдовичи, до расположения штаба было уже рукой подать, видна была перестрелка у лесочка. А дорогу нам никак не перейти, огонь страшный, головы не поднимать, и откуда бьют – не видно. Мы с капитаном Козловым пошли на рекогносцировку, чтобы засечь цели и определить, как лучше подойти к окруженным. Согнувшись, вышли на ржаное поле, я с колен стал смотреть в бинокль на Давыдовичи, а Козлов встал в полный рост. Вдруг засвистели пули, одна попала мне в бок, и я сразу упал, посмотрел – рана не смертельная. Подполз к Козлову – а он не дышит. Вынес его с этого места. Перевязали меня, и пришлось мне командование батальоном принять на себя. Капитана Козлова похоронили, когда стало потише.

Атаку на роццу все же организовали. Поднялись хорошо, батарея поддержала огнем, и скоро я был в землянке штаба корпуса. Там был полковник Ивашичкин, начальник штаба.

Как он обрадовался, обнял меня, как родного сына, не хотел отпускать. Потом Макар Васильевич стал генералом, но я его больше никогда не видел, а то бы вспомнили этот эпизод...

Снежинский С. Т., командир взвода 2-го батальона 409-го стрелкового полка:

– На сближение с противником мы шли всю ночь, в самую непроглядную темноту вышли на поле, тут нас обстреляли немецкие мотоциклисты, но быстро укатили. Боевой задачи мне никто не ставил, ни ротный старший лейтенант Комаров, ни комбат, капитан Соловьев, только услышал по цепочке: «Окопаться!». На рассвете артиллерия противника открыла огонь, и мы справа, на опушке леса, видели, как мечутся под огнём наши бойцы. Я слышал, как кто-то кричал, что это 771-й полк. Так мы узнали, кто наш сосед справа. Открыла огонь и наша артиллерия, в ответ противник перенёс огонь на наш батальон. Я поднял свой взвод, и броском преодолели полосу обстрела. Пошли в наступление, противника потеснили, но из-за сильного огня нам было приказано отойти. Противник нас не преследовал, видимо он пошёл в обход.

Рано утром видел, как на подводе везли командира первого батальона капитана Ткачева, он был ранен в ноги. Командир нашей роты, кажется, погиб в первом бою. Своего комбата в боях я почти не видел. Знаю, что он воевал в Испании, награждён орденом Красной Звезды, помню, что был он среднего роста, быстрый в движениях, очень строгий...

К полудню на некоторое время бой затих. Командиры приводили в порядок свои подразделения, связисты удлинляли линии. Нужно было осмотреться. Санитары ищут и перевязывают раненых, те из них, кто может идти, идут сами...

Степанцев А. П., начальник химслужбы 771-го стрелкового полка, младший лейтенант в первых боях, полковник в отставке:

– Помню, как идёт навстречу солдат с оторванным подбородком, весь в крови. Еле понял, что он хотел сказать: «Товарищ лейтенант, где санчасть?». Остался ли он жив...

Елисеев В. Е., военфельдшер санитарной роты 771-го стрелкового полка:

– Примерно через час после начала боя стали поступать раненые. Быстро накладывал повязки и отправлял дальше в санчасть полка. Дел хватало, стрельба была сильная. И что интересно: когда накладывал повязку или жгут, раненые не стонут, а все что-нибудь говорят: «Я, кажется, двух-трёх немцев уложил... Я стрелял по кусту, где был пулемётчик, но не знаю, попал ли, обидно, тут и ранило... Наш лейтенант тоже с винтовкой, молодец». Все бойцы были очень возбуждёнными, и боли, кажется, не чувствовали. Большинство раненых были из приписного состава, кадровых я всех знал в лицо. Один знакомый, ранило его легко в грудь и пробило пулей ухо, остался со мной, постеснялся идти в тыл: «Пустяк у меня, царина. Сейчас посижу у тебя и пойду к своим в роту»...

Сколько еще придётся военфельдшеру Елисееву перевязывать раненых за почти 1400 дней войны, сколько километров бинтов намотать, увидеть крови и страданий, сколько спасти солдатских жизней...

Меркулов К. И., начальник артиллерии 771-го стрелкового полка, полковник в отставке:

– В Червонном Осовце я встретил секретаря партбюро полка Наумова. Мы обратили внимание на сгоревший немецкий танк, стоявший под развесистым деревом. Люк был приоткрыт, экипаж выскочить не успел. В нескольких метрах от танка лежал убитый красноармеец, весь чёрный, обуглившийся. Мы сняли каски, попытались установить его фамилию, но гимнастёрка сгорела, и лицо обгорело до неузнаваемости. – «Его работа...» – кивнул Наумов на танк. Так и остался безымянным этот солдат, герой-горьковчанин...

Гитлеровцам удалось затормозить первую атаку наших частей, не предусмотренную их командованием, а вскоре они и сами перешли в наступление. В бой были введены главные силы 4-й танковой дивизии. На ржаном, с чёрными прогалами поле разворачивалась в боевой порядок колонна танков численностью до 30 машин. Со стороны Давыдовичей подходили бронетранспортеры, пехота на автомашинах...

«Как в „Чапаеве“ психическая атака...»

Александров А. А.:

– В районе обороны нашего батальона появилось около десятка танков и бронемашин противника. Шли они веером. За ними в несколько цепей с интервалами в 50—70 метров шла пехота. Я сначала глазам своим не поверил: идут ровными цепями, в полный рост и даже с барабаном. Так только в кино показывают. Буквально, как в «Чапаеве» психическая атака. Какая наглость, думаю, мы всё-таки лучшая дивизия Красной Армии, и нас брать на испуг! Орудия у нас стояли в боевых порядках пехоты, была и полковая артиллерия, и батарея 278-го полка. Подпустили танки поближе, артиллеристы открыли огонь. Это был классический бой! Уже в первые минуты вспыхнули три танка, потом немного погодя ещё три и несколько бронемашин...

Кучинский А. К., командир отделения 2-го батальона 624-го стрелкового полка, сержант:

– Пошли на сближение с противником. Я с отделением прошли мимо нашей счетверённой зенитной установки, потом через рошу, вдоль дороги – перебежками дальше, и вдруг по нам ударили пулеметы. Разорвался один снаряд, потом другой. Залегли, пытаемся вести наблюдение, но ничего не видно, да и немецкий пулемёт строчит так, что головы не поднять. Видел немецкие танки, метров со ста пятидесяти, по ним была наша артиллерия. Несколько танков загорелось, от этого на душе стало спокойней, мы осмелели. Когда огонь немного стих, ко мне подполз боец: «Товарищ сержант, у тебя вся шея в крови». Оказалось, пуля ударила в каску, и осколки поранили шею.

Решили сменить позицию, выдвинулись на ржаное поле. Рожь высокая, густая, ничего не видно, стреляем, но куда? Окопались. Вижу, как на нас идет группа человек из пятинадцати, в нашей форме, с нашим оружием. Один из них кричит: «На кого вы идете? Ведь на нас, на своих русских людей!». Мы буквально опешили и не знали, что делать. Было какое-то минутное оцепенение, пока не услышал от этой группы: «Рус! Сдавайся!» Тут уж поняли, что это немцы, и открыли огонь. А потом вижу – на нас по ржи идет целая рота немцев, с закатанными рукавами мундиров, автоматы упираются в животы, и уже строчат по нам. Мы решили подпустить их поближе и забросать гранатами. Бросили по гранате и с криками «Ура!» – вперед. Немцы побежали. В это время мимо нас в направлении противника проехали три броневики со звёздами на броне. Отъехали метров на сто вперед и вдруг повернули башины на нас и открыли огонь. Один боец из моего отделения был убит, двое ранены. Бросили в броневики гранаты, но не попали, далеко. Броневики отъехали дальше и опять стали вести огонь по нашей роте. Убило командира взвода, потом по цепи передали: «Убит командир роты!» Так день и прошел – перебежки, перестрелки. У меня сохранилась записная книжка, в ней есть запись: «Первый бой. Из 53 человек нашего взвода в живых осталось 19»....

Похлебаев Г. Г.:

– Два танка тогда подбил взвод лейтенанта Старикова моей батареей, остальные кто-то из батареи Терещенко и из 278-го ЛАП. Но потеряли мы прекрасного наводчика Петра Печёнкина, и закопали его потом возле позиций. Был тяжело ранен – в горло – и лейтенант Стариков. Дорого нам приходилось платить за подбитые танки. Вместо Старикова на взвод я назначил лейтенанта Агарышева, бывшего до этого на боепитании...

Свиридов В. В., командир штабной батареи 497-го гаубичного артиллерийского полка, комсорг полка, подполковник в отставке:

– Был у нас в полку лейтенант Сахаров. Такой, помню, крупный, высокий блондин. В первом бою у одного орудия погиб весь расчет, он сам встал за панораму и подбил танк прямой наводкой чуть не в упор. Другой танк успел раздавить это орудие, выскочил танкист, чтобы взять Сахарова в плен. Начали они драться. Сахаров танкиста убил, а что было дальше, я уже не видел, и Сахарова больше живым не видел. Но вспоминали его в полку ещё долго...

Александров А. А.:

– Часть танков горела, остальные начали пятиться, но пехота шла, хотя уже не так красиво, как сначала. Когда немцы подошли поближе, батальон открыл шквальный огонь – все-таки у нас было около пятидесяти пулеметов. Трескотня, грохот, в цепях немцев кто-то валится, кто-то бежит назад... Неопиcуемая картина, всё смешалось. Отбили одну атаку – немцы идут во вторую, отбили – третью начинают. Напряжение было такое, что не заметили, как день кончается, солнце за полдень. Под вечер сами перешли в контратаку и немцев отбросили. Поле было усеяно трупами...

Меркулов К. И., начальник артиллерии 771-го стрелкового полка:

– Главная тяжесть боя с танками легла на артиллерию, и она не подвела. Все без исключения расчёты действовали отлично. Вспоминаю такие моменты. В центр батальона устремился немецкий танк. Политрук Иванов приказал перенести огонь на него. С первых же выстрелов танк загорелся, получив два снаряда по корпусу. Не помню, чья это была работа – сержантов Ленского или Лопатко. Идущий следом танк повредил орудие Лопатко, сам он и два номера его расчета были ранены, но не ушли из боя. Перед батареей Похлебаева я увидел три горевших танка и пять бронемашин. – «Это мы с Терещенко!» – крикнул он мне. Позиция, где размещались орудия взвода лейтенанта Старикова, была вдоль и поперек перепахана гусеницами танков. Одно орудие с помятым лафетом покосилось на разбитое колесо, второе смотрело в сторону, где горел вражеский танк. Вокруг разбросаны гильзы, ящики. В стороне лежали тяжелораненый лейтенант Стариков и убитый наводчик Печёнкин. На ржаном поле густо дымили танки, вдалеке горели автомашины. А бой всё не кончается... Видел, как танк раздавил младшего лейтенанта Тихонова. Лейтенант Павлов, командир пулемётной роты, с перевязанной головой стреляет из раскалённого пулемета. На многих уже белеют бинты. Все поле и роща перепаханы снарядами. Агарышев, помню, мчится на коне и почему-то клинком размахивает, а за ним два орудия в упряжках еле поспевают – наверное, меняли позицию...

Главный удар гитлеровцы нанесли по батальонам 771-го полка, и удержаться им в Червонном Осовце не удалось. Под натиском танков и автоматчиков наши роты начали отходить через ржаное поле на исходные позиции к роще...

«Самое страшное было, когда появились танки...»

Шапошников А. В.:

– Я видел, как несколько смельчаков, оставшись во ржи, поджидали приближающиеся танки. Вот завертелся один с подбитой гусеницей, другой встал – бойцы накинули ему плащ-палатку на триплексы, а потом вижу, что и этот горит. Залёгшие бойцы бросали в бронемашину гранаты и бутылки с горючей смесью... И первое ЧП: в самом начале боя в полном составе из первого батальона перебежала рота, сформированная из немцев Поволжья. Перебили командиров взводов, убили ротного, и – к фашистам. Сколько раз я ещё до войны говорил Малинову, что надо бы разбросать эту национальную роту по другим подразделениям – «Нет, это же лучший хор в дивизии!» Да, песни о Сталине они пели хорошо...

Самойленко А. М., связист 2-го батальона 771-го полка, сержант:

– Пришла и моя очередь воевать... Начальник штаба батальона был очень недоволен, что накануне пропал без вести командир взвода связи Пуресьев, и приказал свернуть радиостанцию и положить её на двуколку: «Чтобы немцы не запеленговали».

Впереди, у села, расположенного на возвышенности, захлебнулось наступление наших рот. Возвращавшиеся с переднего края раненые говорили: «Немец так бьет, что головы не поднять...» После полудня фашисты усилили давление. Сильно били минометы и орудия. В селе загорелись дома. Из огня вырвались лошади, запряжённые в подводу, обезумевшие, они скакали прямо на нас... Немцы обошли нас с флангов. Когда бойцы, отходившие с переднего края, поравнялись с нашим резервным эшелоном полка, всё смешалось. Самое страшное было, когда появились танки. Те, кто был на ржаном поле, бросали в танки последние гранаты и гибли. Мне посчастливилось: рядом оказались ямы, толстые деревья. Полного разгрома не допустила наша артиллерия: прямой наводкой она уничтожила три или четыре танка, и это охладило пыл немцев...

Маршал Бирюзов, командовавший в этих боях 132-й стрелковой дивизией, писал в своих воспоминаниях: «Куда тяжелей пришлось тогда левому соседу – 137-й стрелковой дивизии, на стыке с которой враг наносил главный удар. Здесь бой достиг наивысшего напряжения. Весь этот район, казалось, был залит кровью и объят пламенем. Горело все: подожжённые немцами деревни, подбитые танки, автомашины...»

Предпринятые 13 июля разрозненные попытки дивизий 13-й армии отбросить за Днепр наступавшие от Быхова и Шклова моторизованные и танковые отряды противника были безуспешными. Части 20-го стрелкового корпуса в составе сосредоточившихся к этому времени подразделений двух полков 132-й стрелковой дивизии и четырёх батальонов 137-й стрелковой дивизии в 5:30 перешли в наступление с рубежа Махово, Дубровка, Волковичи, Усушек и к 13 часам продвинулись до рубежа Рыжковки, Давыдовичи, Комарки. Однако сопротивление противника усиливалось с каждым часом. Подошедшие к месту боя танковые части гитлеровцев нанесли удар по не успевшим подготовить оборону нашим подразделениям, которые, понеся большие потери, отошли на рубеж южнее Малого Осовца, Рыжковки, Червонного Осовца, Сутоки, где и заняли оборону.

После сильного артиллерийского налёта танки противника прорвали правый фланг обороны 132-й стрелковой дивизии и двинулись на Чаусы. К исходу дня резко ухудшилась обстановка и на её левом фланге. Боевые порядки частей были рассечены танковыми клиньями противника, нарушилась связь и единое управление, отряды гитлеровцев начали теснить подразделения дивизии.

Весь район обороны частей 20-го стрелкового корпуса был объят разрывами бомб и снарядов, заревом пожаров. Звуки боя уже доносились с флангов и тыла корпуса. Над его позициями кружили и наносили бомбовые удары немецкие самолеты. А в тех условиях превосходства гитлеровской авиации в воздухе даже пара самолетов противника могли сорвать атаку нашего стрелкового батальона и рассеять его.

Полковник Гришин на случай, если немецкие танки прорвутся через правого соседа, поставил в его тылах арьергардные на тот момент 1-й батальон 624-го стрелкового полка и один дивизион 278-го легко-артиллерийского. Наши подразделения заняли оборону у села Долгий Мох, стоявшего недалеко от дороги на Пропойск.

Канцедал П. Н., комиссар 137-й стрелковой дивизии:

– В этот день я находился в одной из батарей 278-го легко-артиллерийского полка. С седловины нам было хорошо видно, как шла колонна танков и автомашин. Наверное, гитлеровцы считали, что уже прорвались на оперативный простор, и шли без разведки и бокового охранения, как-то уж очень нахально. Шли прямо на замаскированную батарею, поставленную на прямую наводку. Несколькими дружными залпами колонна была остановлена, а машин двадцать с пехотой просто должно быть были смешаны с землей...

Смолин Т. Г., командир 278-го легко-артиллерийского полка, полковник в отставке:

– Я только бегая от орудия к орудью, и кричу: «Ребята, аккуратней стреляйте, стреляете слишком много, к вечеру без снарядов останемся». Никто не слушает – палят, все-таки первый бой...

Корнилин Л. А., адъютант старший 1-го батальона 624-го стрелкового полка, старший лейтенант в отставке:

– Наш первый батальон капитана Лебедева занимал позиции на самом правом фланге полка. У нас было шесть орудий из 278-го ЛАП, два своих орудия и сзади нас поддерживал 497-й ГАП...

Громов В. И., красноармеец 1-го батальона 624-го стрелкового полка:

– Показалась колонна танков, машин двадцать. Я насчитал восемь, и дальше уже ничего не было видно в сплошной пыли. Развернулись и пошли на нас, стреляя на ходу. Это был не бой, а крошечный ад. От скотных дворов бревна взлетали, как спички. От прямых попаданий снарядов вышли из строя все расчёты «сорокапятков». Погиб наш командир роты лейтенант Петров. Сплошные разрывы, где, что – не поймёшь. Сам я был тяжело ранен и очнулся только в госпитале...

Корнилин Л. А.:

– Бой был страшным. Артиллерия наша работала превосходно, целей не надо было искать: танков шло много. Доставалось и нам, и немцам, на потери не смотрели. Помню, одно наше орудие подбило танк, но второй разбил его и лейтенант, командир этого взвода, был убит на моих глазах. Я ещё кричал ему, что он попал в вилку, но он только скомандовал «Огонь по второму!», и исчез в разрыве. Бой был длинный, все атаки мы отбили. Когда стало тихо, то подсчитал подбитые танки, сколько было в моём поле зрения. Стояло их тридцать штук...

В этот день своего первого боя – 13 июля – дивизия отбила все атаки противника и не отступила ни на шаг. Во второй половине дня гул танковых моторов и грохот боя стал перемещаться на фланги, на соседей справа и слева. Под вечер связь с соседями прекратилась, посланные делегаты связи, вернувшись, доложили полковнику Гришину, что ни слева, ни справа никаких наших частей нет.

К ночи рокот двигателей танков был слышен уже в тылу, он всё более отдалялся на восток. Так дивизия оказалась обойдённой с флангов.

Слишком велико было превосходство Гудериана в силах, и, главное, в маневренности. Танки всё-таки нашли брешь в обороне 13-й армии, которая к тому же нигде не была достаточно плотной и организованной. Обнаружив разрыв на стыке 148-й и 187-й стрелковых дивизий между Перекладовичами и рекой Ухлясть, части 24-го моторизованного корпуса стали продвигаться в направлении Пропойска и Кричева.

Выйдя на тылы 20-го стрелкового корпуса, танки противника перестроились в батальонные колонны и по пыльным дорогам устремились на Пропойск и Чаусы.

Степанцев А. П.:

– Было ещё довольно светло – пробегаю что-то мимо блиндажа командира полка. У входа сидят полковники Гришин и Малинов, и у обоих такое выражение лица, мол, вот влипли. Гул боя был уже где-то сзади. Малинов подозвал меня и приказал идти в батальон Московского, передать приказ срочно выходить из боя. Побегал в батальон, навстречу попались несколько командиров, от них узнал, что батальон уже выводится. Всем было понятно, что нас обошли. Кто-то начал заводить трактора, Гришин выскочил из блиндажа с пистолетом: «Куда? А ну – глуши!»...

Приказа на отход не было, и дивизия продолжала занимать свои позиции. Все ждали новых атак, прислушивались к шуму на востоке. Уже стало темнеть, когда наши бойцы захватили немецкую автомашину, заехавшую прямо в боевые порядки. Охрана была перебита, а находившийся в машине генерал взят в плен. Гитлеровец то ли сбился с дороги, то ли посчитал, что здесь уже никого не может быть из русских, тем более что танки гудят на оперативном просторе. Пленный оказался тыловым генералом из штаба корпуса фон Швеппенбурга. При нем был портфель с ценными документами. Брали этого генерала бойцы 624-го и 771-го полков одновременно, машина с генералом досталась майору Фроленкову, причем он был ранен в перестрелке, а портфель успели ухватить солдаты 771-го полка...

Шапошников А. В.:

– Наиболее важные сведения с помощью переводчика полка Иоффе мы выписали и передали в штаб корпуса. В портфеле была и карта с обозначением рубежей, на которых предстояло быть немецкому корпусу, и даже даты, вплоть до Горького. И, надо сказать, графика движения на восток немцы придерживались...

Кончался первый по-настоящему боевой день. На огромной дуге сражения, во ржи, в полях, в перелесках стояли более 30 подбитых и сгоревших танков, валялись искореженные обломки десятков автомашин. Потери гитлеровцев в живой силе, которые они понесли на участке дивизии, подсчитать было сложнее, но по самым скромным подсчетам они составляли около пятисот только убитыми.

Гудериан потерял еще полдня из отведенных на операцию «Барбаросса» шести недель и в том, что к середине июля у него останется в строю всего половина танков, вышедших с ним от границы, есть и немалая заслуга бойцов и командиров 137-й стрелковой дивизии.

Вечером некоторые бойцы ходили смотреть на подбитые танки...

Дзешкович И. А., командир минометной батареи 624-го стрелкового полка, подполковник в отставке:

– Мы ещё днем хотели сходить посмотреть, интересно всё-таки. А только стали подходить к ближайшему подбитому танку – с заднего как забарабанит по его броне. Бросились в кювет, только голову поднимешь – стреляют. Пришлось дожидаться вечера. Танки оказались дрянью, и, что интересно – сброд со всей Европы: были и французские, и чешские...

Корнилин Л. А., начальник штаба батальона 624-го полка:

– Некоторые смельчаки приносили из подбитых танков трофеи: фотокарточки, письма и русскую рябиновую водку из наших магазинов. У нас был Шехтель, из немцев Поволжья, читал их письма. Содержание в основном аморальное: сколько русских женщин изнасиловали, сколько барахла в магазинах по дороге награбили. Некоторые танкисты писали, что воевать им с русскими не нравится...

Первый бой... Был он для дивизии в целом успешным, но оплачен дорогой ценой. Санитарные машины и повозки, рискуя по дороге нарваться на немецких мотоциклистов, увозили в тыл первых раненых. Для многих из них этот бой был и последним. В Горький, Арзамас и Муром полетели первые похоронки. Тяжело было переживать гибель товарищей, с которыми долгое время дружил, вместе делил все тяготы службы...

«С таким народом воевать можно...»

Иванов Е. В.:

– В этот день скончался от тяжелой раны мой друг лейтенант Вася Соса. Подбил три бронетранспортера и сам был тяжело ранен в шею. Умирал Вася в сознании, у нас на руках. Помощь наша была бесполезной. Все, кто был рядом, поцеловали его, отдавая последнюю солдатскую нежность. Было ему всего двадцать два года...

Корнилин Л. А.:

– Ранен был командир нашего батальона капитан Лебедев, и командование пришлось принять мне. Многие командиры рот и взводов были убиты или ранены. Когда я писал донесение после боя о боевом и численном составе батальона, это была плачевная картина: потери доходили до шестидесяти процентов личного состава...

Шапошников А. В.:

– Не приходилось никого подгонять. И воевали бойцы умело. Кадровый состав у нас был подготовлен очень хорошо. После первого боя я понял: с таким народом воевать можно. Был, правда, один неприятный случай. Лейтенант Лавренюк, недавно прибывший в полк из училища, когда немецкие танки загудели в тылу, сказал своим бойцам: «Всё, ребята, можно разбегаться». Бойцы поставили его к сосне, и – пулю в лоб...

Александров А. А.:

– Когда вечером мы с агитатором полка старшим политруком Коваленко стали писать политдонесение, то, насколько я помню, оно было такого содержания: «Особо отличившихся определить или выделить невозможно. Бойцы и командиры как один, по-богатырски, сражались с проклятым врагом. Все до единого, кто участвовал в бою, заслуживают не только поощрения, но и правительственных наград». Это было первое боевое политдонесение полка. Комиссар полка Михеев подписал его ночью при свете электрического фонарика...

Немного сохранилось документов о первом бое, скупы описания подвигов, да и составляли документы спустя несколько месяцев, в период затишья. Из скурых архивных данных того периода войны удалось взять всего несколько фактов: «Комиссар 771-го полка Васильчиков непрерывно находился в боевых порядках подразделений, личным примером увлекал бойцов в атаку. Парторг полка Наумов с первого же дня прослыл в полку как человек отчаянной храбрости. До двенадцати раз поднимал он в атаку подразделения полка... Комсорг 624-го полка Александров неоднократно увлекал бойцов своей роты в контратаку, всегда поднимаясь первым. В этом своем первом бою он лично уничтожил из винтовки семь гитлеровцев. Лейтенант Новиков, командир минометного взвода, когда все его расчеты вышли из строя, один вел огонь, перебегая от одного миномета к другому. Заставил залечь перешедший в атаку немецкий батальон, а потом обратил его в бегство.

Артиллеристы 624-го полка, которыми командовал лейтенант Мозговой, показали блестящую выучку и смелость. Сам Мозговой погиб в этот день. В 771-м полку особенно отличились наводчики Марычев и Печёнкин. Взвод лейтенанта Агарышева из батареи Похлебаева за день подбил шесть вражеских танков. В батарее лейтенанта Терещенко особенно отличились расчеты командиров оружий сержантов Ленского и Лопатко вместе с наводчиками красноармейцами Вороновым и Даниловым».

Документы:

Из дневника 771-го стрелкового полка:

«...Командир пулемётной роты лейтенант Павлов и командир миномётной роты младший лейтенант Барский непрерывно поливали ураганным уничтожающим огнём фашистских извергов. Немцы решили было парализовать пулемётные точки своим миномётами, но умелое маневрирование лейтенанта Павлова не принесло врагам должных результатов. Лейтенант Барский быстро засёк вражеские миномётные батареи и без промедления заставил умолкнуть навеки. Мужественно сражался в этом бою политрук 1-й стрелковой роты политрук Карев. Вот немецкие танки ворвались в расположение нашей обороны, тогда политрук Карев с двумя гранатами в руках первым бросился навстречу танку. Его сразил пулемёт из вражеского танка. Но бойцы и командиры завершили начатое дело товарищем Каревым. Они подбили несколько вражеских машин, а остальные обратили в бегство.

Красноармеец комендантского взвода товарищ Чайко, маленький и щупленький на вид, показал себя в бою как настоящий русский богатырь. Он метко уничтожал из своей винтовки немецких извергов. Увлёкшись истреблением фашистов, боец не заметил, что немецкие танки вошли в деревню Червоный Осовец. Машины были уже в нескольких метрах от него. Тогда Чайко взял связки гранат и пополз к одному танку. Бросок – и гусеницы танка летят вдребезги. Враг стремился зайти в тыл нашей пехоте, но попытка не удалась. Завязалась перестрелка с экипажем. Чайко их меткими выстрелами уничтожил до единого. Здесь же он сам погиб смертью храбрых.

Беспримерный образ мужества и героизма показал связист лейтенант Ситнов. Под ураганным огнём он сам лично часто исправлял линию связи. В этом бою товарищ Ситнов уничтожил два вражеских танка.

В огне этих кровопролитных сражений росли и закалялись бойцы и командиры нашего полка, рождались герои, умножались боевые традиции русского народа. Многие герои в этом жарком бою пали, а память о них останется навеки, их мужественные образы долго будут служить ярким примером в борьбе с фашистскими варварами».

Дневник 771-го стрелкового полка вёл младший лейтенант Вениамин Тюкаев, помощник начальника штаба. Зная его как человека не склонного к пафосу и патетике, думаю, что текст диктовал парторг полка Наумов.

Бельков П. И., политрук стрелковой роты 771-го полка, подполковник в отставке:

– Изумил нас всех подвиг красноармейца Чайко из комендантского взвода. В разгар боя один танк прорвался прямо к командному пункту полка, но буквально попятился, когда увидел бегущего навстречу бойца со связкой гранат. Бросок – и машина завертелась, разматывающая гусеницу. Но и герой упал, срезанный пулеметной очередью. Выскочивших танкистов прикончили сержант Рядюк и красноармеец Савин. Помню, что Чайко был из Белоруссии, такой хороший парень. Как мы все его жалели... И ведь сам поднялся, никто его на танк не посылал. А перед этим боем, ночью, он свалил немецкого мотоциклиста, захватившего в расположение полка. Тот еще показал, что перед нами 4-я танковая дивизия...

Документы

Наградной лист

Тарасов Григорий Георгиевич

Представляется к ордену Красное Знамя

Отсекр. ВКП/б/ 624 стр. полка

Политрук, год рождения – 1913

Участие в боях против зарвавшегося германского фашизма:

в р-не д. Пустой Осовец – д. Большое Моховое.

С 12 июля 1941 по 12.10.41 г.

Наград не имеет.

Ранен в правое плечо.

Краткие боевые подвиги.

Политрук Тарасов Григорий Георгиевич в боях с фашизмом участвует с 12 июля 1941 г. За время войны, работая секретарем партийного бюро полка, он проявил себя смелым и решительным командиром-политработником.

В боях в районе д. Пустой Осовец т. Тарасов с группой бойцов 20 чел. винтовочным огнем и гранатами уничтожил две пулеметные точки противника. Пулеметные расчеты расстреляны.

В том же районе им с группой бойцов 10 чел. сделана засада на дороге, уничтожено 3 автомашины с пехотой.

Будучи в окружении в р-не р. Сож т. Тарасов с боем вывел 25 чел. Бойцов. Выходя из окружения с боем, его группой сожжен один танк и одна бронемашина противника, уничтожено два мотоцикла.

В бою в р-не д. Алешенка он непосредственно руководил наступлением 2-го батальона полка. В бою батальон уничтожил до роты пехоты и сжег 7 автомашин противника.

9 декабря в наступательном бою на д. Большое Моховое тов. Тарасов ранен. В данное время находится на излечении.

Тов. Тарасов волевой командир-политработник.

Подписали командир полка майор Фроленков

Комиссар 624 сп бат. комиссар Михеев.

Нач. штаба капитан Батаев

Этот документ был подготовлен в декабре 1941-го, поэтому в нём описание боевых действий политрука Тарасова не только в первом бою. Фраза «Участие в боях против зарвавшегося германского фашизма» попадает в наградных листах очень часто – такое было время... Тогда, несмотря на крайне тяжёлую обстановку на фронте, многие наши командиры считали, что германский фашизм именно «зарвавшийся»...

Уверенно и умело руководил первым боем дивизии полковник Гришин. Хорошо работал его штаб, руководимый полковником Ямановым, сумевший в условиях встречного боя обеспечить управление, а командира дивизии – данными для принятия решения.

Мастерство артиллериста-организатора показал полковник Кузьмин, начальник артиллерии дивизии. Он лично руководил действиями артиллерии, быстро координировал ее усилия, что позволило отбить три мощных танковых атаки. Хорошо организованный заградительный огонь заставил танки противника отказаться от атак на участке дивизии и свернуть в сторону.

Дивизия с честью выдержала первое испытание, и готова была выполнять новые боевые задачи.

...В начале июля 1976 года я прошел по местам первых боёв дивизии. Полковник Александр Петрович Степанцев сделал копию с сохранившейся у него карты, полковник Александр Васильевич Шапошников подробно описал ориентиры местности. Как и наши бойцы в 41-м, вышел из Орши, за 20 часов, почти без остановок, прошел 60 километров до Сухарей. Ночь в лесу, и снова в путь. Наконец, показалось и село Червонный Осовец. Сейчас оно называется – Красный Осовец.

На первый взгляд, ничего не напоминает о тех боях: поля с желтеющей рожью, берёзовые рощи, бревенчатые домики. По рассказам полковника Шапошникова узнаю рощу, откуда пошли в первый бой батальоны 771-го полка. До Красного Осовца с опушки через поле – более километра. Представил себя, идущим отсюда в атаку на пулеметы, и стало не по себе. В роще то и дело попадаются заросшие травой воронки, могильные холмики. Нашел и остатки блиндажа,

где располагался штаб полка. Где-то здесь погиб красноармеец Чайко, подбивший немецкий танк... Немного воображения, и вижу, как от Пустого Осовца поднимается в атаку немецкая пехота, а со стороны Давыдовичей разворачивается колонна танков... Где-то здесь, у пыльной дороги, могила комбата капитана Евгения Козлова. Но разве найдёшь – время стирает приметы солдатских могил... У села Красный Осовец – тот самый обгоревший дуб, где, как рассказал политрук батареи Евгений Васильевич Иванов, они похоронили четверых наших танкистов. Никаких следов могилы, всё заросло бурьяном.

Подхожу к памятнику на окраине села. Бронзовая фигура солдата, ограда, внутри – четыре широких братских могилы. Сколько же здесь лежит наших солдат... Устинья Кондратьевна Филиппова, жительница села, проживающая в доме неподалеку, рассказала, что у памятника похоронены человек двести наших солдат. «Но не все здесь, в лесу много могил», – сказала она, и совершенно серьезно стала уверять, что и сейчас по лесу ходят тени погибших, она и сама их видела много раз.

Устинья Кондратьевна как раз собралась в лес за хворостом, поехали на лошадке вместе. По дороге она показала еле заметный холмик в поле: «Здесь мы положили человек тридцать. Как снопов их лежало на поле, как снопов...». Сколько раз мне потом приходилось слышать на длинном пути дивизии от старушек это образное выражение – «как снопов»...

Одна из местных жителей села Красный Осовец передала рассказ своей матери: «После боя, когда наши и немцы ушли, женщины ходили на поле посмотреть, может быть кто-то ещё живой. Один боец был жив, но тяжело ранен, умирал. Увидел нас и говорит: «Снимите с меня сапоги, вам пригодятся...» Вот ведь русская душа: умирает, но позаботился, чтобы сапоги не пропали...»

Устинья Кондратьевна укрывала у себя дома отставших раненых, хорошо помнит, что все они были из Горьковской области. Подлечились и ушли на восток, и что с ними стало – не знает, весточки никто не прислал. Найденные же у погибших документы в войну отобрали полицаи, вот и не смогла сообщить родным. Из раненых, которые скрывались в селе, известна только одна фамилия: Лаптев. По рассказам местных жителей, его через некоторое время обнаружили и расстреляли полицаи.

«А церкви у вас в селе что-то не видно, – спрашиваю Устинью Кондратьевну. – С неё по нашим немецкий пулемётчик стрелял...»

Показала место, где стояла деревянная церковь: «Немцы взорвали, когда отступали...»

Документы

ОПЕРСВОДКА №37 к 20.00 13.7.41 г. ШТАБ ЗАПФРОНТА ЯРЦЕВО

(в части Могилевского направления)

Первое. Войска фронта, ведя бой с наступающими частями противника, с утра 13.7 перешли в наступление с целью срыва наступления витебской и могилевской группировок противника.

...Пятое. 13-я армия в течение дня 13.7 продолжала вести бои с прорвавшимися частями противника в районах Шклов и Ст. Быхов.

61-й стрелковый корпус совместно с частями 20-го механизированного корпуса, под воздействием прорвавшихся в районе Шклов крупных сил мотомехчастей противника, отошел правым флангом и удерживает рубеж Саськовка, Н. Прудки и далее по восточному берегу р. Днепр до Буйничи. Штакор – лес южнее Евдокимовичи.

53-я стрелковая дивизия, оборонявшаяся на рубеже Шклов, Плещицы, приняв на себя главный удар противника, отошла; положение ее пока неизвестно.

20-й механизированный корпус в 5:00 13.7 с рубежа Саськовка, Ничипоровичи перешел в наступление в направлении Бель; пройдя 2 км, корпус остановлен артиллерией и авиацией противника. Штакор – Еханы.

110-я стрелковая дивизия в составе трех батальонов ведет бой и удерживает рубеж Ничипоровичи, Н. Прудки, Пар (ю.-в. Полыковичи).

172-я стрелковая дивизия продолжает удерживать Могилев.

45-й стрелковый корпус вел бой с прорвавшимися мотомехчастями противника в районе Ст. Быхов.

187-я, 148-я и часть сил 160-й стрелковых дивизий ведут бой на фронте (иск.) Селец, Слободка; свх. Грудиновка, Перекладовичи; Радьков, Прибор, Обидовичи фронтом на север и на запад.

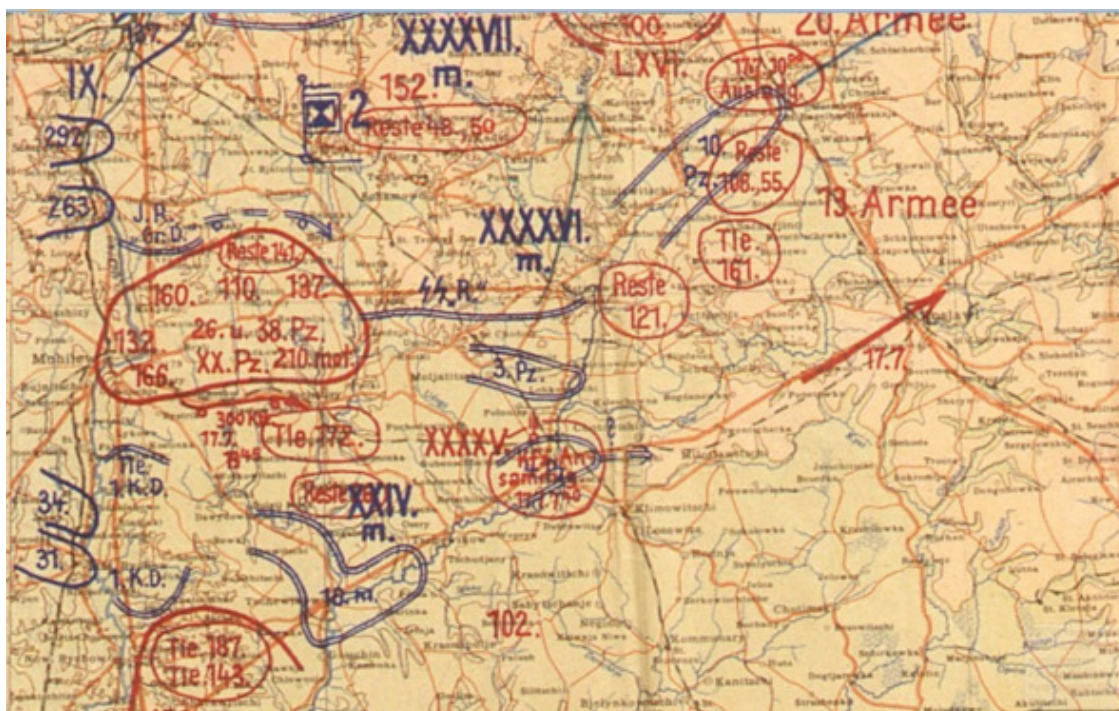
Фронт 45-го стрелкового корпуса разорван на три отдельных очага сопротивления.

137-я стрелковая дивизия (без одного стрелкового полка) с одним стрелковым полком 132-й стрелковой дивизии с утра 13.7 начала наступление с рубежа Махово, Дубровка, Волковичи, Усушек в направлении Красница и к 12:00 вышла на фронт Пустой Осовец, Лисичник, (иск.) Грязивец, имея перед собой пехоту и бронемашину противника.

143-я стрелковая дивизия – в районе Чаусы на рубеже Заречье, Глушец.

Генерал-полковник Гейнц Гудериан: «...13 июля я перевёл свой командный пункт на Восточный берег Днепра, в Заходы (6 км юго-восточнее Шклова). В этот день я посетил 17-ю танковую дивизию, находившуюся на Днепре. Эта доблестная дивизия с начала наступления уничтожила 502 танка противника. Затем я присутствовал при переправе частей дивизии СС «Рейх» и беседовал с генералами Гауссером и фон Фитингофом. Дивизии СС нужно было ускорить продвижение и организовать разведку в направлении Монастырщина, так как, по данным авиаразведки, юго-западнее Горки русские части пытались пробиться к Днепру. Под умелым руководством своего командира 29-я мотодивизия в этот день продвинулась на 18 км от Смоленска.

13 июля начались ожесточенные атаки русских. С направления Гомель на правый фланг танковой группы наступало около 20 дивизий, в то же время русские производили вылазки со своих предмостных укреплений из Могилёва в южном и юго-восточном направлении и из Орши в южном направлении. Этими операциями руководил маршал Тимошенко с явной целью отбросить немецкие войска снова за Днепр».

4. Варшавское шоссе

*«Глаза живые мёртвым закрывают,
А открывают мёртвые живым...»*

Утром 14 июля на командном пункте 20-го стрелкового корпуса собрались командиры 132-й, 160-й и 137-й стрелковых дивизий генералы Бирюзов, Скугарев и полковник Гришин. Командиры доложили о состоянии своих дивизий генералу Ерёмину. В каждой – серьёзные потери, у каждого комдива всего по несколько батальонов, со многими частями нет связи. Реально корпус по силам был не больше одной дивизии. Командиры соединений надеялись узнать обстановку на фронте в масштабе хотя бы 13-й армии, но генерал Ерёмин её не знал. Предстояло, прежде всего, разобраться в обстановке, установить связь со всеми частями корпуса и со штабом армии, привести в порядок потрёпанные части, продумать маршруты и план выхода из окружения... Но к этому моменту штаб 13-й армии фактически потерял управление своими частями в районе Быховского плацдарма, штаб 45-го корпуса только-только вырвался из окружения, и не имел связи ни с войсками, ни со штабом 13-й армии.

Было ясно, что противник прорвал фронт обороны 13-й армии и продвигается в направлении Чаус и Пропойска. Дивизии корпуса оказались между наступавшими на восток мотомеханизированными группировками врага. У генерала Ерёмина, не имевшего связи ни с армией, ни с фронтом, не было другого варианта, как отдать дивизиям приказ на прорыв кольца окружения в восточном направлении. Ясно было, что выполнение первоначального приказа – «Сбросить противника в Днепр» – выполнить имеющимися силами и в той обстановке – невозможно. Штаб корпуса определил маршруты движения дивизий и дал указания о взаимодействии. Генерал Ерёмин принял решение двигаться вместе с частями 160-й стрелковой дивизии.

Командиры батальонов 137-й стрелковой получили маршруты движения, и дивизия четырьмя колоннами выступила в общем направлении на Чаусы. Когда был получен приказ на отход, многие бойцы удивлялись: «Почему мы отходим, ведь мы же победили!». Первый успешный бой укрепил у всех веру в свои силы, бойцы убедились, что врага бить можно. Но на этот раз надо было отступить.

Из воспоминаний командира 497-го ГАП майора Малыха: «...Получаю приказ командира дивизии выводить подразделения полка на новый рубеж обороны... При смене боевых порядков был ранен комиссар полка Иванов, но одновременно он в схватке уничтожил фашиста. Товарищ Иванов, будучи раненым, оставался в строю. Отходя, дивизионы полка артогнем поддерживают пехоту, одновременно ведут борьбу с танками противника. Противник крепко бомбит и обстреливает с воздуха. Получил ранение, но эвакуироваться некуда. Я и легкораненые остаемся в строю, но рискуем тяжело раненых под руководством фельдшера Мелёшина отправить в Чаусы, он сумел сдать раненых в санпоезд, но вернуться в полк не смог.

Будучи ранен, продолжаю руководить полком – передвигаюсь на костылях. Бои идут упорные, полк тает, орудия и автомашины выходят из строя, но врагу наносим крепкие удары. В полку нет паники и дезертиров, случаев оставления позиций, но обидно, что нет нашей авиации, что не подходят резервы...».

Брыкин В. А., кандидат исторических наук:

– После первого боя 497-го полка его комиссар Иванов отправил на Чаусы с военфельдшером Мелёшиным машину тяжело раненых. Этой машине повезло: проскочили, присоединились к колонне редакции дивизионной газеты, но уехали не на Чаусы, а на Кричев. Обратно вернуться военфельдшер уже не смог. Следующая машина в сопровождении военфельдшера Дурманенко, не прорвавшись в Чаусы, вернулась с разбитыми стёклами, и фельдшер, найдя в лесу недалеко от штаба корпуса госпиталь, сдал раненых. Сам Дурманенко при выходе

из окружения попал в плен, прошёл все муки ада в концлагере Маутхаузен. После освобождения продолжал служить в армии.

Дорогу к станции Чаусы перерезали немцы – сбросили парашютный десант. Командир 2-го дивизиона капитан Найда собрал легкораненых и хозкоманду и повёл всех, кто мог двигаться, на освобождение дороги. Через два часа дорога была свободна, и машины с ранеными пошли было в сторону станции Чаусы, но к вечеру она была захвачена немецкими танками. В эшелон с открытыми платформами, на которых лежали раненые, стали попадать снаряды. Станцию с эшелонам раненых могли захватить немцы, и тогда один из раненых – старший лейтенант – заставил машиниста дать полный ход эшелону. «Пятисотметровый мост был пройден на полной скорости и через минуту взорван нашими сапёрами», – вспоминает Чилин – радист полка, раненный в первых боях.

Суетин И. А., помощник начальника оперативного отдела штаба 20-го стрелкового корпуса, майор в отставке:

– Почти весь оперативный отдел штаба корпуса в эти дни после 12 июля занимался тем, что выяснял, где какие части стоят. Телефонной связи почти не было, радио было ненадёжно, и пользовались им мало. А обстановку надо было знать в деталях. Нередко бывало, что по карте здесь стоит часть, а на самом деле её уже там нет. По существу, мы занимались разведкой своих же частей. Когда я приехал днем тринадцатого июля в дивизию Гришина, там вели бой, а поехал на Чаусское шоссе – там немцы, колонны автомашин, танков, прут прямо на Чаусы...

Это продвигалась со Шкловского плацдарма 10-я танковая дивизия противника. На соединение с ней к Чаусам с юга шла 10-я моторизованная дивизия. Одновременно 4-я танковая дивизия генерала Лангермана наступала на Пропойск, вечером 14 июля стремительным и дерзким ударом её 7-й разведывательный батальон захватил 4 моста через реку Проню, впадавшую здесь в реку Сож, через которые проходило стратегически важное Варшавское шоссе. В ночь на 15 июля 35-й танковый полк 4-й танковой дивизии захватил и стоявший на Варшавском шоссе город Пропойск.

Обороняли город два батальона 44-го стрелкового полка 42-й стрелковой дивизии полковника Козыря. Как писал в своих воспоминаниях и.о. командующего 4-й армией полковник Сандалов, «Ни противотанковых мин, ни других средств для создания на пути врага серьезных инженерных препятствий здесь не имелось. Стрелковые взводы и роты едва успели отрыть окопчики. Подступы к реке с запада прикрывались огнем артиллерийского полка. В районе Пропойска один его дивизион стоял на открытых позициях, изготовившись к стрельбе прямой наводкой. У моста через реку Проня была выставлена батарея ПТО, и мост подготовлен для взрыва».

Казалось бы, не такие уж малые силы, чтобы, пользуясь выгодными для обороны условиями – река и четыре моста, которые можно было взорвать, чтобы надолго задержать здесь противника... Недалеко находились и резервы: в глубине обороны 42-й стрелковой дивизии в нескольких километрах северо-восточнее города были огневые позиции 462-го корпусного артиллерийского полка. На левом фланге 42-й дивизии по восточному берегу реки Сож от Пропойска и южнее занимала позиции 55-я стрелковая дивизия подполковника Тер-Гаспаряна. Выдвигались в район Черикова и части, правда немногочисленной, 6-й стрелковой дивизии полковника Попсуй-Шапко. К 15 июля они занимали оборону по восточному берегу впадавшей в Сож реки Лобчанки, седлая Варшавское шоссе между Пропойском и Чериковом.

Очевидно, что командование 2-й танковой группы Гудериана понимало значение захвата и удержания этих четырех мостов.

42-я стрелковая дивизия полковника Козыря 15 июля пыталась отбить Пропойск. Так в журнале боевых действий 4-й танковой дивизии противника отмечено: «Сильные контратаки на город: «Противник у Пропойска ведёт упорные бои, много артиллерии. Особенно сильный

натиск с юго-запада». Однако после ожесточенных боев батальоны 44-го стрелкового полка дивизии полковника Козыря были вынуждены отступить и переправиться на юго-восточный берег реки Сож и вышли на рубеж обороны 55-й стрелковой дивизии полковника Тер-Гаспаряна.

После захвата этих мостов гитлеровцами оперативная обстановка к середине июля в районе не только Пропойска и Варшавского шоссе в направлении Кричева, но и на всем Смоленско-Рославльском направлении резко изменилась в пользу противника.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.